

царь «призвал к себе келаря старца Еустафия да старца Варсунофия Якимова, да туто и духовник его стоял близко архимарит Феодосей — только трое их. И учал государь царь рыдати и плакати, и молити о том келарю старцу Еустафию и старцу Варсунофию Якимову втайне, а архимарита Ионы туто не призвал, чтоб его сыну государю царевичу Иванну учинили в особ поминати ... И о том поминание о царевиче Иванне плакал и рыдал, и умолял царь и государь, шесть поклонов в землю челом положил со слезами и рыданием»¹².

Кажется поэтому неслучайным, что с V колена начинаются бракосочетания удельных московских Рюриковичей с нетитулованной знатью. А с VIII колена наступает время браков уже и великих князей с представительницами такой знати. Существовавшая долгие времена родственная группа Рюриковичей, внутри которой создавались княжеские семьи, распадается. Но было уже поздно. Московские Рюриковичи изживают себя.

¹ Начало было положено французским исследователем Жаном Мёвре, опубликовавшим в 1946 г. работу о населении Дижона во второй половине XVII — начале XVIII в. См.: Демография западноевропейского Средневековья в современной зарубежной историографии. — М., 1984. — С. 22.

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв. — М.; Л., 1950. — С. 156. — № 52. (Договор 1448—1449 г. Василия II с суздальским князем Иваном Васильевичем Горбатым содержал требование отдать в Москву все ордынские ярлыки, полученные нижегородскими князьями на Суздаль, Нижний Новгород и Городец). В XVI в. такие ярлыки тверским князьям, хранившиеся в Москве, пропали. См.: Черепнин, Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. — М.; Л., 1948. — Ч. I. — С. 227.

³ Семенченко, Г. В. Неизвестный сын Юрия Галицкого и политическая борьба на Руси в начале 30-х гг. XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л., 1991. — [Т.] 22. — С. 188—193.

⁴ Экземплярский, А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. — СПб., 1889. — Т. I. — С. 187.

⁵ Полное собрание русских летописей. — СПб., 1913. — Т. 18. — С. 24; Пг., 1921. — Т. 24. — С. 227; М.; Л., 1962. — Т. 27. — С. 298; М.; Л., 1963. — Т. 28. — С. 141.

⁶ Там же. — М., 1994. — Т. 39. — С. 147.

⁷ Веселовский, С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М., 1969. — С. 19.

⁸ Мазуров, А. Б., Никандров, А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV вв. — М., 2008. — С. 245.

⁹ Демография западноевропейского Средневековья в современной зарубежной историографии. — С. 212, 220, 226, 232, 245.

¹⁰ Лихачев, Н. П. Дело о приезде в Москву Антония Поссевина. — СПб., 1903. — С. 56, 57.

¹¹ Ерусалимский, К. Ю. Сборник Курбского. — М., 2009. — Т. II. — С. 198 и вар. 4.

¹² Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. — М., 1987. — С. 29.

П. С. Стефанович

ПРАВЯЩАЯ ВЕРХУШКА РУСИ ПО РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИМ ДОГОВОРАМ X В.

Автор исследует свидетельства русско-византийских договоров 911, 944 и 971 гг. о тех людях, которые официально выступали представителями Руси и в которых надо видеть ее правящий класс. Эти люди в сохранившихся церковнославянских копиях договоров обозначены словами «князья» и «бо(л)яре», а в греческом оригинале обозначались, видимо, одним словом «архонты» (ἄρχων). Большую роль в исследовании играет сопоставление данных договора 944 г. об этих людях с тем описанием приема княгини Ольги в Константинополе в 957 г., которое дает византийский император Константин Багрянородный в трактате *De Ceremoniis* и которое тоже, как выясняется, сообщает некоторые сведения об этих людях. Автор приходит к выводу, что правящий класс Руси в середине X в. составляли 25 знатных лиц («архонтов» или «архонтисс»), каждый из которых владел определенной территорией внутри «Русской земли», из которых признавали верховную власть киевского князя (или княгини). Эти люди представляли разные рода, причем род киевских князей был представлен несколькими лицами.

Ключевые слова: история Древней Руси; древнерусское общество; знать; договоры Руси и Византии.

P. S. Stefanovich

The Ruling Class of Rus' according to the Treaties of Rus' with Byzantium of the 10th Century

The author explores the evidence of the treaties of Rus' with Byzantium of 911, 944 and 971 about the persons who officially represented Rus' and were in fact its ruling class. These persons are named as "kniaz'ya" and "bo(1)yare" in the Church-Slavonic translations of the treaties (preserved in the "Tale of By-gone Years"). In the Greek originals of the treaties they were probably indicated with one word "arhon". The author pays much attention to comparison of the evidence from the treaties with some data in the description of the embassy of Rus'ian princess Olga to Constantinople given by the Byzantine emperor Constantine Porphyrogenitis (the embassy took place in 957). This data also gives some information on the Rus'ian "arhons". The author comes to the conclusion that the ruling class of Rus' consisted of 25 noble persons ("arhon" or "arhon-tisses") each of whom ruled over some territory within Rus' but who recognized the supreme power of Kievan princes ("arhons"). These persons represented different clans but the clan of the Kievan "arhons" was represented by several persons.

Keywords: Early Russian history; society of Rus'; nobility; the treaties of Rus' with Byzantium.

В современной науке разброс мнений относительно того, что представляла собой правящая верхушка в государстве руси в начальный период его существования, чрезвычайно широкий. Данные источников скудны и разноречивы, а возможных моделей и интерпретаций предложено множество. Неопределенными остаются даже общие характеристики самого этого государства в X в. — какую территорию оно занимало, какие этносы и в каком качестве включало, какие принципы и механизмы объединяли подчиненное население и отдельные слои и группы и т.д.

Одна из главных трудностей в исследовании начальной истории Руси состоит в том, что мы обречены смотреть на эту историю через призму раннего летописания и, прежде всего, «Повести временных лет» (далее — *ПВЛ*). *ПВЛ* — единственный источник сравнительно древнего происхождения, который дает связное и довольно подробное изложение истории Руси с конца IX до начала XII в. Именно на информации *ПВЛ* и других летописей построено большинство бытующих в историографии концепций древнерусской государственности. Проблема, однако, в том, что древнерусские летописи донесли до нас тексты, которые были созданы значительно позднее описанных в них событий и претерпели редакторскую правку (иногда очень значительную) на разных этапах их бытования в древнерусской книжности вплоть до позднего средневековья. Можно ли доверять *ПВЛ*, созданной в начале XII в., в ее описании событий конца IX—X в., то есть отстоящих на полтора—два столетия?

Эта трудность была вполне осознана в историографии в конце XIX — начале XX в., особенно после того, как фундаментальные труды А.А. Шахматова показали, с одной стороны, тенденциозность древнерусского летописания, а с другой — его весьма сложную историю, в том числе и на древнейших этапах, предшествовавших составлению *ПВЛ*. Можно даже сказать, что в каком-то смысле Шахматов скомпрометировал летописи как источник для истории Руси до начала — середины XI в. Неслучайно, что уже непосредственный ученик Шахматова М.Д. Присёлков предпринял первую попытку опереться в изучении этой истории на источники независимые от летописи и по времени создания более близкие к засвидетельствованным в них фактам. Он прямо писал, что *ПВЛ* и «предшествующие ей летописные своды» в повествовании до начала XI в. — «источник искусственный и малонадежный», и ставил своей задачей «положить в основу изложения» источники «современные событиям», «проверяя факты и построение “Повести [временных лет]” их данными»¹.

Разумеется, невозможно и не нужно отказываться совершенно от летописи как источника по истории Руси в X—XI вв., но в определен-

ных случаях — прежде всего, тогда, когда нелетописные источники просто более подробны и ясны по сравнению с летописью — подход М.Д. Присёлкова оказывается вполне применим и оправдан². И в его русле написана и данная статья, в которой анализируются именно и только нелетописные источники. Этими источниками являются древнейшие международные договоры Руси — заключенные с Византией в 911, 944 и 971 гг.³ По данным, содержащимся в договорах, о тех людях, которые представляли русь в договорном процессе, мы можем составить представление о составе ее правящей верхушки. Эти данные уже неоднократно исследовались (см. обзор истории вопроса ниже), однако, как представляется, в их интерпретацию можно внести дополнительные штрихи, которые заставляют во многом по-новому смотреть на древнейшую историю Руси и с меньшим доверием воспринимать сведения начального летописания.

В работе с договорами есть свои сложности, главным образом, источниковедческого плана. Но зато показания договора 944 г. — наиболее пространные и интересные в данном случае — можно сравнить с практически современными им свидетельствами о руси в произведениях византийского императора Константина Багрянородного, и получается, что источники независимые друг от друга и совершенно разного характера (актовые и нарративные) дают возможность «перекрестной» проверки их данных об одном и том же явлении.

Договоры руси с греками дошли до нас в составе *ПВЛ*. В разных летописных списках, отразивших *ПВЛ* в разных видах или редакциях, есть некоторые расхождения и в передаче текстов договоров. Однако эти расхождения касаются отдельных слов и выражений, иногда весьма существенных по смыслу и меняющих содержание той или иной фразы или отрывка, но все-таки не отрезков текста настолько больших, чтобы можно было говорить о разных редакциях и применительно к договорам. В Новгородской первой летописи младшего извода, в которой отразился свод, предшествовавший *ПВЛ* («Начальный свод»), договоров нет, и это значит, что договоры попали в летопись на этапе составления *ПВЛ* в начале XII в.

В настоящее время может считаться общепризнанным, что оригинал всех трех договоров существовал на греческом языке и тот славянский текст, который мы видим в *ПВЛ*, является переводом с греческого. Об этом свидетельствуют многочисленные «грецизмы» в лексике и в синтаксисе, выявленные, в частности, в недавних работах Я. Малингуди⁴.

Однако до сих пор открытым остается вопрос, когда были выполнены переводы, сохранившиеся в летописи. Упоминание в договорах

двух «харатей», на которых они писались, некоторые общие соображения и выводы наиболее серьезной лингвистической работы, посвященной их языку⁵, склоняют к тому, что славянский вариант договоров составлялся сразу в момент их заключения или, по крайней мере, восходит к X в. Высказывались мнения, что переводы были сделаны позже на Руси — возможно, в XI в. и даже непосредственно перед включением их в *ПВЛ* в начале XII в.⁶ Но с этой точкой зрения трудно согласовать сильные церковнославянские черты (при отсутствии очевидных «русизмов») в текстах договоров, различия в языке и стилистике, а также явные неловкости перевода, появление которых трудно ожидать при переводе всех документов за один раз и в то время, когда при дворе киевского князя (из чьей канцелярии, очевидно, договоры попали в летопись) работала сильная переводческая школа.

Нельзя считать решенным и вопрос о достоверности того текста, который в *ПВЛ* изложен в статье 6415 (907) г. в виде отдельного соглашения руси и греков (еще одного — получается, четвертого по счету). А.А. Шахматов убедительно продемонстрировал, что в основе этой статьи лежит летописный рассказ о походе Олега на Византию, читающийся в Новгородской первой летописи младшего извода, но переделанный составителем *ПВЛ* в соответствии с его хронологическими выкладками и историческими представлениями. Серьезными доводами он обосновал тезис, что составитель *ПВЛ* сам составил текст соглашения руси и греков, то есть произвел искусственную реконструкцию, используя договор 911 г., а может быть, и договор 944 г.⁷ Однако существует мнение, что у летописца все же были какие-то данные о соглашении руси и греков в 907 г. Так, Я. Малингуди считает, что в 907 г. имел место первый этап договорного процесса (подтверждение под присягой некоего мирного соглашения общего характера), который завершился официальным заключением договора в 911 г. По ее мнению, тексты договоров попали в руки летописца в виде выписки из копийной книги византийской императорской канцелярии. А в такого рода копийных сборниках тексты документов могли сопровождаться историческими справками-«нотциями», сообщавшими об обстоятельствах возникновения этих документов. Из такой «нотции» летописец и узнал о предварительном мире, заключенном в 907 г.⁸

Вне зависимости от решения проблемы «договора 907 г.» не может подлежать сомнению вывод А.А. Шахматова, что составитель *ПВЛ* существенно переработал текст «Начального свода», включив в него договоры и снабдив их своими комментариями по поводу того, как и при каких обстоятельствах договоры были заключены. Современные исследователи согласны в том, что в любом случае нельзя

рассматривать летописные «обрамления» договоров как свидетельства эпохи, когда они заключались⁹.

Обращаясь к договорам 911, 944 и 971 гг. и оставляя в стороне «договор 907 г.» и летописный контекст, видим, что во всех случаях для описания людей со стороны руси, вступающей в официальные договорные отношения с Византией, используются слова «князья» и «бо(л)яре», которые, очевидно, указывают на некую социальную верхушку.

В первой фразе договора 911 г. перечисляются лица, заключающие договор со стороны руси. «Мы от рода рускаго», — начинается фраза, затем перечисляются 15 имен, и фраза продолжается: «иже послани от Олга великаго князя рускаго и от всех, иже суть под рукою его свѣтлыхъ [и великих кн(я)зь и ег(о) великих] боярь...» Далее в преамбуле договора об Олеге сказано «наша светлость», о подчиненных ему — «наши князья» (по Ипатьевской летописи — далее *ИпатЛ*) или «наши великие князья» (по Радзивилловской — далее *РадзЛ*) и все, «иже суть под рукою его сущих руси». И далее в первой из «глав» договора еще: «от сущих под рукою наших князь свѣтлыхъ», «къ княземъ же свѣтлымъ нашим рускымъ и къ всѣмъ, иже суть под рукою свѣтлаго князя нашего»¹⁰.

В преамбуле договора 944 г. тоже перечисляются те люди, которые представляют сторону руси, но список их здесь выглядит совсем иначе и, главное, значительно пространнее. Первая фраза выглядит похоже, но все-таки по-другому: «мы от рода рускаго съли и гостье», то есть: мы, послы и купцы от «рода рускаго»¹¹. Далее сразу начинается перечисление, и первым назван Ивор, посол князя Игоря: «Иворъ соль Игоревъ, великаго князя рускаго». Затем следуют слова: «и обьчии сли», то есть «общие послы», и начинается перечисление имен. Сначала указаны 24 имени по форме «такой-то [посол] такого-то» — например, «Вуефастъ Святославль, сын[а] Игорев[а]», то есть «Вуефаст [посол] Святослава, сына Игоря». При этом во всех списках договора есть одна лакуна: пропущено имя посланного при после по имени «Сфирка» (21-й посол в списке). В том, что здесь именно случайный механический пропуск, согласно большинство исследователей. После перечисления 24 послов сказано: «купецъ», то есть «купцов», и приведены еще от 25 до 29 имен (в зависимости от того, как понимать и/или реконструировать текст). Весь список «слов» и «гостей/купцов» заключает обобщающая фраза: «послании от Игоря, великаго князя рускаго, и от всякоя княжья и от всѣхъ люди Руския земля».

Далее в тексте следует статья с сообщением о клятвенном подтверждении договора. Начинается она со слов: «И великий князь нашъ Игорь [и князи. — по *РадзЛ*] и боляре его и людье вси рустии

послаша ны къ Роману и Костянтину и къ Стефану, къ великимъ ц(еса)р(е)мъ гречьскимъ створити любовь съ самѣми ц(еса)ри, со всѣмъ болярствомъ и со всеми людьми гречьскими...»

В первом содержательном постановлении договора говорится о новой практике удостоверения полномочий послов и гостей (купцов), приходящих в Константинополь из Руси. Начинается оно так: «А великий князь руский и боляре его да посылають въ греки къ великимъ ц(еса)р(е)мъ гречьскимъ корабли, елико хотять, со слы и с гостьми...» Далее в договоре об Игоре несколько раз сказано как о «князе руском», а в заключительной части он титулуется как «великий князь» или «великий князь руский». Здесь же в конце договора сообщается о клятве руси, и о них в двух случаях сказано с противопоставлением князей и людей: «от страны нашея ли князь, ли инь кто», и: «кто от князь или от людии руских», а в одном случае с упоминанием бояр: «от Игора и от всехъ боляръ и от всехъ людии от страны руския».

Наконец, в договоре 971 г., который представляет собой собственно клятвенное обязательство Святослава прекратить военные действия против Византии, сторона руси представлена Святославом сначала так: «и иже суть подо мною русь, боляре и прочии», а затем так: «якоже кляхся ко ц(еса)р(е)мъ гречьскимъ и со мною боляре и русь вся». В этом договоре не упоминаются никакие представители «князя руского», поскольку он составлен от его собственного имени, но в самом начале, вместе с датировкой документа, отмечается, что договор заключен «при С(вя)тославѣ велицѣмъ князи русѣмъ и при Свѣналдѣ»¹². Из *ПВЛ* следует как будто, что этот Свеналд был тем самым воеводой отца Святослава Игора, а затем и сына Святослава Ярополка, который в летописи фигурирует под именами Свѣнел(ь)дъ/Свѣндел(ь)дъ/ Свѣнгельдъ/Свинтелдъ. Однако в достоверности тождества Свенальда договора и летописного персонажа есть серьезные основания сомневаться. Вопрос этот настолько сложный и запутанный, что автор недавней работы, приведя обзор соответствующей литературы, отнес его «к разряду неразрешимых»¹³.

Сопоставив все упоминания «князей» и «бо(л)яр» в договорах между собой и с упоминаниями других лиц и категорий со стороны руси в соответствующих контекстах, легко заметить два взаимосвязанных обстоятельства.

Во-первых, социально-политическая терминология и титулатура беспорядочны. Во всех трех договорах последовательно только обозначение того князя, который возглавляет русь, как «великого князя (руского)» — Олега, Игора и Святослава. Однако в договоре 911 г. это обозначение прилагается и к неким князьям «под рукою»

Олега. В этом же договоре используется эпитет «светлый» — преимущественно по отношению к Олегу, но в варианте *РадзЛ*, как будто более полном, и к тем же «князьям». В варианте *ИпатЛ* к «боярам» прилагается эпитет «светлые», в варианте *РадзЛ* — «великие». В договорах 944 и 971 гг. князья и бояре, подчиненные «великому князю русему», величаются без всяких титулов и эпитетов, но при этом ни разу (если не считать варианта *РадзЛ* в договоре 944 г. в первой статье о клятвенном заверении) они не фигурируют вместе в одной фразе или одном выражении — с «великим князем» упоминаются «(все) люди (рустии)» (=«русь вся»), а третьим элементом *либо* «князья», *либо* «бояре». Из последнего наблюдения следует вывод (и это во-вторых), что в реальности, видимо, титулы не имели большого значения, а сторона руси представлялась при заключении договоров тремя важнейшими элементами: 1) князь-глава руси, 2) некие особо выдающиеся лица (элита) — князья и/или бояре и 3) вообще «все люди». Такая трехчастность стороны руси соответствует трехчастности с греческой стороны, как она представлена в договоре 944 г.: «...створити любовь съ самѣми ц(еса)ри, со всѣмъ болярствомъ и со всеми людьми гречьскими...».

Об условности эпитетов и обозначений в договорах уже неоднократно писалось в специальной литературе. Для самих руси значения не имело, видимо, даже обозначение «великий князь» — его превращение в полновесный и содержательный титул относится к значительно более позднему времени (видимо, не ранее конца XII в.)¹⁴. И «великий», и «светлый» — это «грецизмы», то есть просто калька греческих слов (μέγας, περιφάνης, λαμπρός и т. п.), принятых в византийском этикете для титулования знатных лиц. Взаимозаменяемость и синонимичность слов «князи» и «бояре» в договорах 911 и 944 гг. объясняется, по всей видимости, тоже спецификой перевода. Н.А. Лавровский давно уже убедительно обосновал мнение, что оба славянских слова передавали одно греческое ὄρχων¹⁵. Это мнение было поддержано в литературе¹⁶, хотя с ним далеко не все исследователи считают, предпочитая разделять «князей» и «бояр» в договорах как два разных термина, за которыми стояли разные реалии¹⁷.

В пользу мнения Лавровского говорит то, что в целом ряде древних славянских — и древнеболгарских, и древнесербских, и древнерусских — текстов греческое ὄρχων передается совершенно равноправно обоими этими словами¹⁸. В самих греческих текстах X в., относящихся до руси, то есть главным образом в соответствующих пассажах произведений Константина Багрянородного, для обозначения элиты древнерусского общества используется только одно слово ὄρχων. Константин для описания «варварских» народов в окруже-

нии Византии использует вообще, в основном, одно это слово в самом общем значении «глава-правитель-вождь». В известном отрывке из рассказа об истории Далмации он противопоставляет архонтов и «старцев-жупанов» у славянских народов как «государственных» правителей и «родоплеменную» знать¹⁹. Разнобой в обозначении этой элиты в трех договорах соответствует языковой и стилистической гетерогенности этих текстов, о которой было замечено выше. Проще всего объяснить эту гетерогенность можно тем, что каждый из договоров переводился разными лицами, работавшими в той или иной степени в русле церковнославянской традиции перевода.

Таким образом, шла ли речь о «светлых и великих князьях и великих боярах» или о «всякой князии», или только о «боярах», которые оказываются между «великим князем» и «русью всей», мы должны думать, что на самом деле имелись в виду одни и те же лица — знать Древнерусского государства, которая в оригиналах греческих договоров описывалась одним, и притом довольно общим и неопределенным по содержанию, словом *ῥῥῶν*. Теперь встает вопрос, можно ли как-то более детально охарактеризовать этих лиц по данным договоров.

Меньше всего дополнительных данных можно извлечь из договора 971 г. Упоминание «бояр» там выглядит более или менее формально-этикетно. Хотя князь клянется от их имени, ясно, что при заключении договора вместе с ним присутствовали далеко не все представители знати Древнерусского государства — ведь договор подписывался в Болгарии в походных условиях, кто-то из них был в войске с князем, но многие наверняка находились на Руси. Князь клянется и вообще за «русь всю», но это не значит, что эта «вся русь» сидела рядом с ним при составлении договора.

Можно обратить внимание на определенную динамику в употреблении слов «бояре» и «князья» от договора 911 г. к договору 971 г.: в первом договоре говорилось в основном только о князьях, а бояре упоминались только однажды, в договоре 944 г. бояре и князья равноправно фигурируют, а в 971 г. упоминаются только бояре без князей. Но для этого «вытеснения» князей боярами можно подыскать разные объяснения. Возможно, это был результат стабилизации терминологии в самой Руси, где к 970-м годам звание князей закрепилось за членами правящей династии. Если, обращаясь к конкретным обстоятельствам заключения договора 971 г., предполагать, что в болгарском походе иные представители правящей династии, помимо Святослава, не участвовали (ни в летописи, ни у византийских хронистов о них не упоминается), можно объяснить и умолчание договора о «князьях». А может быть, дело здесь просто в усилении

того уподобления государственной структуры Руси византийской, о котором было выше замечено, — как применительно к грекам писали о «боярстве», так и о руси постепенно стали говорить только о «боярах». Эти объяснения можно иметь в виду, но надо признать, что они (и возможные иные) гадательны.

Из договора 911 г. складывается впечатление об известном равенстве между Олегом и «князьями»/«боярами». Во всяком случае, они находятся в равном положении в том отношении, что никто из них, включая Олега, не присутствует при заключении договора, но их вместе представляют 15 человек, «послании» от их имени (причем *только* от их имени — в отличие от договора 944 г., где послы представляют и «всѣх людий Руския земля»). На различие в статусе между Олегом и остальными князьями-боярами намекает как будто то, что в первой фразе договора эти последние указываются «под рукою его». Однако, на основе одного этого указания делать далеко идущие выводы о некоей вассальной или какой бы то ни было другой зависимости было бы неосторожно²⁰. Слова «сущие под рукою» — такая же калька с греческого слова или устойчивого греческого выражения (*ὑποχείριος, οἱ ὑπὸ χεῖρα*), как и многие другие обороты в договорах²¹. Это выражение употребляется в этом же документе и в самом неопределенном смысле для обозначения вообще всех тех, кто признает власть Олега — «иже суть под рукою его сущих руси». В другом случае «князья» даже и прямо как будто отделяются от тех, кто состоит «под рукою» Олега: «къ княземъ же свѣтлымъ нашимъ рускимъ и къ всѣмъ, иже суть под рукою свѣтлаго князя нашего». Но это разделение, конечно, настолько же условно, насколько условно вообще само греческое выражение применительно к руси X в. Последовательности и точности в использовании этого выражения нет, и содержание его, очевидно, самое общее и чисто символическое, — имеется в виду лишь признание власти или авторитета Олега. Не случайно, что в договорах 944 и 971 гг. оно не используется, хотя в последнем говорится похоже: «подо мною русь — бояре и прочии».

Значительно более информативен договор 944 г., прежде всего, благодаря подробному списку представителей «от рода рускаго», а главное, той части этого списка, где перечисляются имена тех, кто представил собственных послов. Этот список давно уже привлек внимание исследователей, во многом потому, что на его основе пытались судить об этническом составе древнерусского государства. В исследовательских интерпретациях большое значение имеет сопоставление данных договора с сообщениями о руси Константина Багрянородного, главным образом, его описанием приема княгини Ольги в Константинополе, где говорится о составе ее посольства.

Обобщая предложенные интерпретации, можно выделить два подхода в характеристике тех «князей» и «бояр», о которых в договоре 944 г. говорится в общих формулировках и которых исследователи так или иначе сопоставляют с людьми, представившими «слов» для заключения договора. Оба подхода были предложены еще в XIX в. Согласно первому, «всякая княжия» и «бояре» договора 944 г. — это некая знать или некие местные правители государства Руси, которые признают верховную власть киевского князя. Может быть, «племенные» князья, может быть, люди на службе или наместники-посадники киевского князя (в том числе и такие, кто находился с ним в каком-то родстве), может быть, и те, и другие. Некоторые ученые идентифицируют тех лиц, которые послали вместе с Игорем и его родственниками своих послов для заключения договора и чьи имена указаны в списке, и с «князьями», и с «боярами», упомянутыми в общих формулировках, другие — только с «князьями». Так толковали данные договора 944 г. Н.М. Карамзин, М.М. Погодин, В.О. Ключевский, М.С. Грушевский и другие ученые XIX — начала XX в.

Другой подход предложил С.М. Соловьев: все послы посланы членами правящей династии, то есть родственниками «великого князя» Игоря, и это их имена указаны в списке. По словам Соловьева, «всякая княжия» — это и есть представители «рода Игоря в разных степенях и линиях, мужской и женской»²². Но другие последователи этого взгляда необязательно следуют этому отождествлению, считая, что «князья» и «бояре», упомянутые в общих формулировках договора 944 г., могут и не иметь отношения к лицам, перечисленным поименно в начале. В таком случае понимание этих князей и бояр зависит уже в основном от общих представлений того или иного автора о том, что могла представлять собой элита Древнерусского государства, поскольку о князьях и боярах уже мало что конкретного можно сказать — ведь список послов и тех, кто их направил, оказывается с ними никак не связан.

Обосновывая свою точку зрения, Соловьев выдвинул два аргумента, которые потом преимущественно и использовались в литературе. Во-первых, в ее пользу говорят прямые указания на родственников Игоря в списке лиц, пославших «слов». Как уже отмечалось выше, после указания посла самого Игоря идет перечисление «обычных слов», и первым в этом перечислении указан Вуефаст, посол Святослава, сына Игоря. Вторым идет Искусев, посол Ольги, жены Игоря. Третий — Слуды «Игоревъ, нети Игоревъ», то есть посол Игоря, племянника князя Игоря (нетии — племянник). Далее идут послы с простым указанием лиц, их пославших, без всяких пояснений. Причем пятый и шестой послы отправлены женщинами — неки-

ми Предславой и Сфандрой. Но десятым указан «Прастьнь Акунъ, нети Игоревъ» — посол Акуна, племянника Игоря. О каком Игоре идет речь, не поясняется, но ясно, что Акун в любом случае оказывается родственником киевского князя, даже если он племянник не самого князя, а княжеского племянника с тем же именем (упомянутого выше третьим в списке). Далее до конца идут снова имена послов и их пославших без пояснений. Таким образом, из 24 «обычных» послов четверо были посланы, без сомнения, родственниками киевского князя, в том числе двумя ближайшими, о которых мы располагаем разнообразными сведениями, — его сыном Святославом и женой Ольгой. Естественно напрашивается мысль, что хотя лица, пославшие своих послов, указанные на местах с четвертого по девятое, прямо не названы родственниками киевского князя, но поскольку они находятся между княжескими родственниками (Игорем, племянником киевского князя, и Акуном), то и сами являются таковыми.

Во-вторых, Соловьев обратил внимание на то, что «между именами людей, от которых идут послы, мы не видим ни Свенельда, ни Асмуда». Между тем, об этих двух людях как о видных представителях киевской знати говорит летопись. Свенельд называется воеводой Игоря и Святослава, а также советником Ярополка, сына Святослава. Асмуд показан кормильцем Святослава в момент гибели Игоря у древлян. Если считать, что те, кто посылал послов, — это знать Киевского государства, то отсутствие Свенельда и Асмуда кажется нелогичным. Значит, делал вывод историк, это была не «дружина» правящего князя, а именно и только его родственный клан.

Оба довода в пользу «родовой» интерпретации списка лиц, направивших своих представителей для заключения договора 944 г., имеют значение, но далеко не абсолютное. Споры нет, четыре посла были посланы родичами Игоря, но ведь это только одна шестая часть от общего числа послов. Мысль о принадлежности к роду Игоря всех лиц, перечисленных до Акуна, А.Е. Пресняков называл «слишком смелой»²³, но даже и приняв ее, о происхождении прочих 14 человек можно только догадываться. Причины умолчания договора о Свенельде и Асмуде можно придумать разные, но главное состоит в том, что об их существовании в момент заключения договора мы знаем только от летописца, писавшего многие десятки лет после событий, в которых они, по его заверению, участвовали.

Все эти сомнения, и прежде всего скепсис, сильно возросший в науке к концу XIX в., в отношении летописного рассказа о древней истории Руси, привели к тому, что к середине XX в. возобладала интерпретация данных договора 944 г. скорее в русле первого подхода. Например, Б.Д. Греков, расценивая мнение С.М. Соловьева как отго-

лосок его теории «родового быта», высказался по поводу списка имен в договоре так: «Никаких “родовых” междукняжеских отношений мы здесь не видим». Люди, направившие своих послов, — «это ведь все знать, те самые светлые князья и бояре, о которых так часто говорят договоры», писал далее историк, подразумевая ту землевладельческую знать, с которой связывал утверждение феодализма на Руси²⁴.

Не принимал подход С.М. Соловьева и М.Д. Присёлков, хотя он видел в князьях и боярах, от имени которых заключались договоры 911 и 944 гг., совсем не землевладельцев. По его мнению, это были скандинавские наемники («наемные ярлы») киевского князя. Киевский князь и «его дружинники, то есть начальники наемных отрядов», более или менее постоянно имели в Византии своих представителей (послов или менее постоянно имели в Византии своих представителей (послов и купцов), и их имена и перечислены в договоре 944 г. Таких «ярлов» Присёлков насчитывал 14, относя первые десять мест в списке «объчих слов» (до Акуна и его посла Прастена) к родственникам Игоря²⁵.

Утверждая скандинавское происхождение «князей» и «бояр», Присёлков опирался на тот факт, что подавляющее большинство имен, указанных в списке послов в договоре 911 г. и в списках послов, лиц, их направивших, и купцов в договоре 944 гг., имеет скандинавское происхождение. Этот факт был выяснен еще В. Томсеном в конце XIX в. В настоящее время в лингвистических интерпретациях Томсена признаются лишь отдельные спорные моменты, и в них вносятся сравнительно незначительные поправки²⁶. Действительно, в списке послов договора 911 г. из 15 имен 13 объясняются как скандинавские. Из 25 имен послов договора 944 г. разные исследователи насчитывают от 17 до 21 скандинавских имени. Из 24 имен лиц, направивших послов (одно имя, как говорилось выше, пропущено по ошибке), 17 достоверно скандинавских, три славянских (в том числе Святослав) и четыре имени, происхождение которых спорно или неясно, хотя вполне возможно, что тоже скандинавское. В списке купцов не более пяти нескандинавских имен.

Идею Присёлкова о скандинавских ярлах на службе киевского князя развил А.В. Соловьев, подробно разобрав все списки имен. Однако, если Присёлков считал, что ярлы — «главы отрядов наемников-варягов» на службе киевского князя базировались в основном в Киеве или окрестностях, а содержание и доходы получали от участия в полюдье, то Соловьев ярлов определил как посадников киевского князя в локальных центрах Руси. Кроме того, родственниками Игоря в списке договора 944 г. он считал только тех четверых, кто прямо определен таковыми, и делал акцент на том, что посадниками-ярлами надо считать всех 24 лиц, пославших своих послов (включая Святослава и Ольгу)²⁷.

Такая «норманистская» интерпретация не могла, конечно, получить распространения в советской историографии. Советские историки либо в самом общем ключе говорили о «всякой княжии» и «боярах» как «племенных князьях» или «наместниках» киевского князя, обходя вопрос о скандинавских именах в договорах²⁸, либо указывали на работу Х. Ловмянского, который развивал «родовую интерпретацию». Логика Ловмянского строилась на строгом разделении лиц, указанных поименно в списке договора 944 г., и тех бояр и князей, которые фигурируют в общих формулировках как представители руси. Он признавал скандинавское происхождение большинства людей, пославших своих послов, но причислял их всех, как С.М. Соловьев, к княжескому роду. В таком случае этническая принадлежность «всякой княжии» и «бояр» оставалась неопределенной. Однако здесь Ловмянский подключал соображения общего характера и определял их преимущественно славянами, приходя в итоге к выводу, что знать Киевского государства X в. была автохтонной, славянской по происхождению²⁹.

В последние десятилетия именно такая логика в оценке данных договора 944 г. — то есть не отождествление лиц, поименно перечисленных в начале, с позже упомянутыми «князьями» и «боярами», а наоборот, принципиальное их разделение — стала набирать все больше сторонников. Кто такие «князья» и «бояре», толкуется по-разному (здесь исследователи уже опираются не на договоры, а на другие источники и свои общие суждения), но по отношению к тем, кто послал послов, сохраняется старая двойственность подходов: часть исследователей видит в них некую знать, не связанную кровно с Рюриковичами, а часть — родственников Игоря. Первый подход отстаивают, например, С. Франкин и Д. Шепард, Н.Ф. Котляр, Г. Шрамм и М.Б. Свердлов³⁰. Второй — А.В. Назаренко, А.П. и П.П. Толочко, А.А. Горский и Е.А. Шинаков³¹. Однако трудности, с которыми сталкиваются последователи того или другого подхода, остаются прежними и по-прежнему нерешенными. Так, приверженцы первого подхода фактически оставляют открытым вопрос об умолчании списков договора 944 г. о Свенельде и Асмуде, а вторая группа ученых ничего не может поделать с тем простым фактом, что сам договор говорит как о родственниках Игоря только о четырех лицах (Святославе, Ольге, Игоре-племяннике и Акуне).

А.В. Назаренко, поддержавший «родовую интерпретацию», связал ее с представлением о том, что первоначальная территория Киевского государства (поднепровская Русская земля) являлась «коллективной собственностью» всего княжеского рода Рюриковичей. В рассуждениях исследователя существенную роль играет

критика сопоставлений, которые предпринял Г.Г. Литаврин, между данными договора 944 г. и описанием константинопольского приема Ольги в трактате (обряднике) Константина Багрянородного «De Ceremoniis». Литаврин, предложив свой перевод того отрывка трактата, в котором рассказывается о приеме Ольги, сравнил указания о разных лицах в сопровождении Ольги, а также их численности и суммах денег, которые они получили от императора (эти цифры приводятся Константином), с именным списком послов, людей, их пославших, и купцов договора 944 г. Такого рода сопоставления предпринимались и раньше, но они носили более или менее общий и иллюстративный характер, а Литаврин попытался с помощью детального анализа числовых соотношений установить дифференциацию в элите Киевского государства X в.³²

На мой взгляд, подсчеты Литаврина и его общие выводы не выглядят убедительно, и их критика со стороны Назаренко справедлива. Чтобы разобраться во всех деталях дискуссии, надо обратиться к самому источнику — рассказу Константина о приеме Ольги. Разбор этого текста тем более необходим, что после публикации перевода Литаврина были опубликованы еще два перевода этого отрывка — на английский и русский языки, но уже вместе с переводом всей главы трактата, внутри которой помещен этот отрывок (глава 15 книги II)³³. Английский перевод М. Физерстоуна учитывает также отрывки текста «De Ceremoniis» в недавно обнаруженных рукописях-палимпсестах и опирается на специальный текстологический и кодикологический анализ. В переводах и в комментариях переводчиков обнаруживаются некоторые расхождения, существенные для данного исследования³⁴.

Когда состоялся визит Ольги в Константинополь, описанный в «De Ceremoniis», неизвестно. В трактате Константина даты нет, но, исходя из деталей контекста, ученые относили визит к 957 г. Г.Г. Литаврин выступил против принятой датировки и предложил отнести визит к 946 г. Разразилась интересная дискуссия, в ходе которой выяснилось, что теоретически возможны обе датировки, но все-таки доводы в пользу традиционной датировки, которые выдвинули А.В. Назаренко и М. Физерстоун (у каждого из них своя аргументация), представляются убедительнее³⁵. В пользу датировки 957 г. говорят и общие соображения: борьба с древлянами после смерти Игоря, произошедшей никак не ранее самого конца 944 г. (а скорее даже и годом-двумя позже), должна была занять у Ольги некоторое время, а кроме того Святослав на момент смерти Игоря был малолетен (как говорит летопись), и вряд ли Ольга могла оставить его одного в 946 г.

Константин описывает два приема княгини в императорском дворце с аудиенцией у императора и торжественными трапезами —

9 сентября и 18 октября. В данном случае важны его указания о составе ее сопровождения.

В начале соответствующего отрывка Константин пишет, что на первый прием княгиня («архонтисса России» — ἀρχόντισσα Ρωσίας) пришла не одна. О ее сопровождении в греческом оригинале сказано — μετὰ τῶν οἰκεῖων αὐτῆς συγγενῶν ἀρχοντισσῶν καὶ προκριτοτέρων θερσαλαῶν. На русский язык Г.Г. Литаврин эти слова переводит «с ее близкими, архонтиссами-родственницами и наиболее видными из служанок», Н.Е. Новиков: «со своими близкими родственницами архонтиссами и самыми приближенными служанками». Перевод М. Физерстоуна: «with her noble [female] relations and the élite of her [female] attendants». Не так существенно, как определить служанок Ольги и оставлять ли без перевода слово ἀρχοντισσῶν или переводить его просто как nobles, — важнее понять, что за «архонтиссы» (или «знатные дамы») помимо Ольги появились в императорском дворце. Но это обстоятельство из текста трактата остается не совсем ясным. Дело в том, что хотя далее при описании аудиенции и пира во дворце эти архонтиссы еще несколько раз упоминаются, о них не сказано в конце при перечислении денежных подарков членам свиты Ольги. Эти перечисления я приведу чуть ниже. Сейчас отмечу явные неточности переводов Литаврина и Физерстоуна. Физерстоун забывает про слово οἰκεῖων («близкие»), а Литаврин ставит запятую между словами «близкими» и «родственницами», и у него получается, что с Ольгой, помимо служанок и архонтисс, были еще какие-то «близкие». На самом деле, больше ни о каких «близких» не говорится, и слово οἰκεῖων надо, конечно, относить к самим архонтиссам, как и предполагает его место между артиклем и словом ἀρχοντισσῶν, к которому артикль относится. Очевидно, подчеркивалось, что архонтиссы состояли не просто в родстве, а именно в тесной («домашней») связи с княгиней.

В тот же день вместе с Ольгой во дворец пришли и другие представители руси, но для них протокол предусматривал отдельный порядок приема и трапезы. План и замысел мероприятия предполагал (и это ни у кого из исследователей сомнений не вызывает), что с самой Ольгой должны были быть только женщины, а эту отдельную группу составляли мужчины. О них сказано так: οἱ τῶν ἀρχόντων Ρωσίας ἀποκρισιάρχοι καὶ πρᾶντατευταί. Литаврин переводит: «послы и купцы архонтов России», Новиков: «послы архонтов России и купцы». Физерстоун: «the apokrisiarioi and merchants of the princes of Rus'». Точнее перевод Литаврина и Физерстоуна, потому что артикль οἱ надо относить и к купцам тоже — это были вполне определенные люди, с определенным статусом, пришедшие с определенными целями, в определенном количестве и т.д., а не какие-то

забредшие во дворец торговцы. Из этого следует весьма существенный факт, что купцы прибыли не сами по себе, а их, как и послов, послали архонты.

Женская группа во главе с Ольгой пиновала в обществе венценосной семьи, а мужчины — в отдельном помещении. При сообщении о пире мужчин они называются так: πάντες οἱ ἀλοκριστίριοι τῶν ἀρχόντων Ῥωσίας καὶ οἱ ἄνθρωποι καὶ συγγενεῖς τῆς ἀρχοντίσσης καὶ οἱ πρᾶγματεῦται. Все переводчики переводят практически одинаково: «все послы архонтов России, люди и родственники архонтиссы и купцы». Физерстоун здесь и далее передает οἱ ἄνθρωποι на английский как the retainers.

О денежных подарках, полученных русью в тот день, также говорится по отдельности. Сначала перечисляются суммы для мужской группы, очевидно, более или менее в иерархическом порядке:

— 30 милиарисиев получил некий племянник Ольги (ἀνεψιὸς αὐτῆς);

— по 20 милиарисиев получили восемь οἱ ἴδιοι αὐτῆς — дословно: «свои ее». Литаврин переводит: «ее люди»; Новиков: «ее приближенные»; Физерстоун: «her eight [male] relations»;

— по 12 милиарисиев — 20 послов;

— тоже по 12 милиарисиев — 43 купца;

— 8 милиарисиев — священник Григорий;

— по 12 милиарисиев — два переводчика;

— по 5 милиарисиев — «люди Святослава» (οἱ ἄνθρωποι τοῦ Σφενδοσθλάβου)³⁶;

— по 3 милиарисия — шесть «людей послов» (οἱ ἄνθρωποι τῶν ἀλοκριστίριων);

— 15 милиарисиев — переводчик архонтиссы.

Потом говорится и о женщинах:

— 500 милиарисиев и золотая чаша были выданы самой Ольге;

— по 20 милиарисиев выдано шести ταῖς ἰδίαις αὐτῆς («своим ее»).

Литаврин переводит: «ее женщинам», Новиков так же, как и выше: «ее приближенным». У Физерстоуна: «her six [female] relations»;

— по 8 милиарисиев — 18 ее служанкам (θεραπαῖνας αὐτῆς).

О приеме 18 октября говорится очень кратко, и указываются следующие суммы денежных подарков:

— 200 милиарисиев было выдано архонтиссе;

— 20 милиарисиев — ее племяннику;

— 8 милиарисиев — священнику Григорию;

— по 12 милиарисиев — 16 ταῖς ἰδίαις αὐτῆς («своим ее»). Новиков переводит опять «ее приближенным», Литаврин: «ее женщинам», Физерстоун: «the sixteen [female] relations of the princess».

— по 6 милиарисиев — 18 ее рабыням (ταῖς δοῦλαις αὐτῆς);

— по 12 милиарисиев — 22 послам;

— по 6 милиарисиев — 44 купцам;

— по 12 милиарисиев — двоим переводчикам.

Из всех этих данных, в общем, вырисовывается довольно стройная и последовательная «микроструктура» посольства Ольги, которая, по выражению Литаврина, «в известной мере отражала социально-политическую макроструктуру русского общества в середине X в.»³⁷.

По большому счету затруднение вызывает лишь тот (обозначенный уже выше) факт, что в рассказе о приеме 9 сентября Константин упоминает неких архонтисс в сопровождении Ольги, а в реестре денежных выдач о них не говорится. Литаврин, на мой взгляд, совершенно верно наметил путь решения этого вопроса, хотя не прошел этот путь до логического конца. Он сделал вывод, что указанию Константина о присутствии на приеме с Ольгой архонтисс и служанок соответствует указание о выдаче подарков двум категориям людей в «женской группе»: «своим» (шести женщинам по 20 милиарисиев) и служанкам (восемнадцати женщинам по 8 милиарисиев). Те родственницы-архонтиссы, о которых упомянул Константин, в реестре указаны как «свои». Объясняется это разногласие в обозначениях, возможно, тем, что основной текст трактата писал один автор (сам Константин или редактор трактата, как считает М. Физерстоун, — в данном случае это не важно), а реестр с точными цифрами был вставлен (очевидно, чисто механически, без мысли о соответствии отдельных терминов) из дворцовых протоколов³⁸.

Однако какие-то «свои» люди Ольги упомянуты и в реестре выдач «мужской группе» делегации руси на приеме 9 сентября, и в реестре подарков 18 октября (но здесь с женским артиклем — то есть как женщины). Литаврин почему-то зачисляет восьмерых «своих» в «мужской группе» 9 сентября уже совсем не в родственники княгини (как «своих» в «женской группе»), а в категорию, подобную «людям (ἄνθρωποι) Святослава». В реестре же 18 октября он считает шестнадцать «своих» женщин опять-таки уже не родственницами Ольги и не архонтиссами (как тех шестерых на приеме 9 сентября), а какими-то «знатными дамами», может быть, «боярынями». Опираясь на эти выкладки, историк выдвигает ряд предположений о существовании неких «доверенных людей» из «представителей высшей киевской знати», которые составляли при Ольге «совет во время пребывания в Константинополе», неких шести архонтов-князей (мужей архонтисс), которые возглавляли «6 крупнейших центров» Русской земли, каких-то «15—16 высших бояр других городов русских земель» и т.д. Это ведет его далее к рассуждениям о различиях в составе свиты на

первом и втором приемах, а также выводу, что к 18 октября «добрая половина посольства (включая большинство знатных персон) уже покинула Константинополь»³⁹. Эти-то вычисления и построения, опору которым Г.Г. Литаврин пытается найти и в данных договора 944 г., вызвали справедливые возражения А.В. Назаренко.

Между тем, нужды в сложных конструкциях и теориях нет. Как в начале своих рассуждений справедливо сделал вывод Литаврин, шесть «своих» женщин, упомянутых в реестре 9 сентября, — это родственницы Ольги. Константин называет их «архонтиссами» и отмечает близкие родственные отношения с самой княгиней. По всей видимости, как раз близкое родство позволило им сопровождать Ольгу на приеме, где женская и мужская части посольства принимались по разному протоколу. Близкое родство и объясняет, почему Константин называет их «архонтиссами». Конечно, он не вкладывает никакого особенного официального содержания в это обозначение. Физерстоун, выбрав нейтральное слово *poble*, совершенно справедливо подчеркнул тем самым, что это совсем не титул (как и слово *ῥῥῶν* в договорах руси с греками). Реальный статус этих родственниц был явно несоизмерим со статусом Ольги: они получили только по 20 милиарисиев (Ольга — 500 и чашу). Это меньше, чем получил ее племянник, который, очевидно, возглавлял «мужскую группу» на приеме 9 сентября и был вторым лицом после Ольги в свите на приеме 18 октября. Нет никаких оснований думать, что эти родственницы Ольги имели в качестве мужей каких-то могущественных «архонтов» (оставшихся при этом почему-то на Руси — обстоятельство, вытекающее из построений Литаврина, которое вызвало вполне обоснованный сарказм Назаренко).

Далее нет никаких препятствий считать и восемь человек «своих» в «мужской группе» на приеме 9 сентября тоже родственниками Ольги. Физерстоун, выбирая именно слово *relations* и вставляя в скобках пояснение *male*, здесь снова совершенно прав. Это были родственники мужского пола — вполне вероятно, что какая-то часть просто мужи тех шести женщин, которые сопровождали княгиню. Они и получают те же 20 милиарисиев, что и «свои» родственницы-«архонтиссы». О том, что появления каких-то родственников Ольги нам надо ожидать в реестре выдач «мужской группе», прямо говорят слова Константина о пире мужчин: он ведь упоминает, что среди пирующих были, кроме послов и купцов, «люди и родственники архонтиссы». Между тем, кроме одного племянника, в реестре никаких родственников Ольги не указывается — значит, их надо искать под другими обозначениями, а среди этих обозначений и подходят только «свои».

Развивая этот вывод, надо видеть и в «своих», упомянутых в реестре 18 октября, тех же самых лиц — родственников Ольги. Правда, в этом реестре эти «свои» фигурируют в существенно большем количестве — 16 человек, а главное, они указаны с артиклем женского рода, то есть предполагается, что все они были женщинами. Получается явная несостыковка: на приеме 9 сентября присутствовали Ольгины «свои» шесть женщин и восемь мужчин, а на приеме 18 октября — только женщины числом 16 человек. Некоторые ученые заметили это несоответствие, и выдвигалась мысль о палеографической ошибке. Дело в том, что в Византии (как и потом на Руси) цифры обозначали буквами (ставя над ними или рядом с ними титло — надстрочный знак в виде черты), и цифра 6 передавалась буквой «дзета» (ζ), а 16 — «йотой» (указание на десяток) и той же «дзетой» (ιζ). А. Поппэ допускает, что буква «йот» во втором случае относилась к предыдущему слову или просто попала по ошибке какого-то переписчика, а изначально цифра обозначалась одной буквой «дзета» ζ — то есть была та же шестерка⁴⁰. Это значит, что в оригинале реестра к приему 18 октября стояло число не 16, а 6, и им обозначались те же шесть «своих» женщин, что фигурировали в реестре 9 сентября. Однако, хотя теоретически такой ход рассуждений возможен, проблемы он не решает. Ведь та же логика вполне допускает другой выбор из двух возможных ошибок в цифровых обозначениях — ничто не мешает предположить ошибочность не числа 16 в реестре ко второму приему, а цифры 6 в первом реестре (и тогда «своих» женщин Ольги было не шесть, а шестнадцать). Но главное даже не в этом, а в том, что предположение о палеографической ошибке оставляет без ответа вопрос, почему в реестре к приему 18 октября не упоминаются восемь «своих» мужчин, которые были на приеме 9 сентября.

Очевидно, искать объяснение для этого несоответствия в указаниях о присутствии «своих» людей Ольги на двух приемах надо в чем-то другом. На мой взгляд, решение проблемы возможно при допущении, что в реестре к приему 18 октября произошла ошибка или недоразумение другого рода — не в цифре, а в артикле. Дело в том, что этот реестр составлен не отдельно для мужской и женской групп посольства руси, как реестр к первому приему 9 сентября, а только с учетом тех категорий, на которые делились члены посольства в зависимости от величины денежных подарков, им причитающихся. И эта логика составления списка привела к тому, что, хотя 18 октября тоже были два пир для женщин и мужчин по отдельности, в реестре денежных выдач люди оказались зачислены в одну «статусную» группу, то есть в категорию под обозначением «свои», без учета их пола — и мужчины, и женщины вместе. Вообще-то по

грамматическим правилам греческого языка для обозначения некоего множества людей разного пола используется артикль множественного числа мужского рода. В тексте же *De Ceremoniis* стоит артикль женского рода, а не мужского (ταῖς, а не τοῖς). И на этом основании переводчики считают, что в категории «свои» в этом случае подразумеваются только женщины (ср. выше переводы). Формально они правы, но в обозначении артикля можно, во-первых, тоже (как и с цифрами) подозревать ошибку в написании одной буквы (*a* вместо *o*), а во-вторых, думать и о нарушении грамматических правил просто в силу каких-то более или менее случайных обстоятельств: например, вследствие сведения составителем реестра к приему 18 октября выплат женской и мужской группам в один список или просто потому, что среди «своих» Ольги (то есть ее родственников, по моей интерпретации) женщины выступали впереди мужчин, поскольку сопровождали саму Ольгу на приемах.

Такая интерпретация данных второго реестра лучше, на мой взгляд, объясняет число 16, приведенное в нем. «Своих» 18 октября было 16 человек — это только на два лица больше, чем получается, если сложить вместе численность «своих» мужчин и женщин, бывших во дворце 9 сентября ($8+6=14$). Близость этих двух чисел — 14 и 16 — вполне понятна, как раз если предположить, что во втором реестре под отметкой «свои» были просто сведены вместе те мужчины и женщины, которые в рассказе о приеме 9 сентября были указаны по отдельности в «мужском» и «женском» списках. В этом увеличении числа «своих» от первого приема ко второму нет ничего странного — ведь численность послов и купцов тоже выросла, причем тоже на 1—2 человека.

Не претендуя на правильность предложенной интерпретации указания о «своих» в реестре к приему 18 октября и не настаивая на каких-либо цифровых соотношениях, я хотел бы в данном случае только подчеркнуть саму мысль о том, что под обозначением «свои» в реестрах выдачи подарков скрывались родственники Ольги. Только в том случае, если понимать под «своими» именно родственников Ольги (сколько бы точно ни насчитывалось их вместе и мужчин и женщин по раздельности), можно наиболее простым и убедительным образом объяснить логику в обозначении разных категорий лиц в посольстве руси в Константиновом описании двух приемов Ольги. За этой логикой, как уже говорилось, стояла «микроструктура» посольства, отражавшая «макроструктуру» общества руси. Придерживаясь этой логики и опираясь на новые интерпретации списков денежных подарков, можно выстроить иерархию и численность посольства Ольги следующим образом⁴¹:

- во главе посольства стояла сама княгиня;
- вторым лицом в посольстве был ее племянник;

— далее шли родственники княгини (συγγενεῖς, οἱ ἴδιοι αὐτῆς), мужчины и женщины, всего 16 человек (если учитывать по большому числу на приеме 18 октября);

— послы — 22 человека (по числу на приеме 18 октября);

— купцы — 44 человека (по числу на приеме 18 октября);

— «служанки» или «рабыни» Ольги (θηραλαῖνας или δοῦλας αὐτῆς) — 18 человек;

— «люди Святослава» — 10 (?) человек;

— «люди послов» — 6 человек.

В порядке и размерах денежных выдач на первом и втором приемах наблюдаются некоторые различия. Во-первых, на втором приеме не упоминаются две последние категории людей. Это обстоятельство вместе с тем фактом, что размер подарков был на втором приеме понижен по сравнению с суммами, выданными на первом приеме, говорит о том, что во второй раз греки существенно сэкономили на этих расходах⁴². Во-вторых, на первом приеме купцы по статусу оказываются равны послам, а на втором — ниже их и получают столько же, сколько служанки Ольги. Зато послам на втором приеме были выданы такие же суммы, какие получили и родственники княгини. Это значит, что статус послов был довольно высок — выше, чем у купцов, и приближался к статусу родственников княгини. Вне зависимости от того, сообщало ли им этот высокий статус положение тех, кто их послал, или что-то другое, сами они были люди видные и состоятельные — у некоторых из них были свои слуги, удостоившиеся подарков от императора на первом приеме.

В сравнении данных трактата византийского императора с договором 944 г., прежде всего, бросается в глаза особое выделение главы государства руси в обоих документах. Этот факт важен ввиду того, что Олег, как было выше замечено, специально в договоре 911 г. никак не выделялся. Однако причины этого факта можно предполагать разные. В частности, если Ольга приняла крещение именно во время описанного в «*De Ceremoniis*» визита, то, конечно, ей греки должны были оказать особое внимание.

Не менее выразительным является наличие в свите Ольги тех же самых двух категорий людей, которые отмечаются в договоре 944 г., — послов и купцов. Очевидно, присутствие и эксплицитное указание обеих этих категорий и при заключении союза в 944 г., и в посольстве Ольги не случайно и должно объясняться каким-то их особым значением. В данном случае это обстоятельство для меня представляет наибольший интерес, и на нем я сконцентрирую внимание. И самое главное заключается в том, что данные Константина дают определенный материал для решения того принципиального

вопроса, который разделил современных ученых, — были ли лица, перечисленные в договоре 944 г. как отправители своих «слов», родственным кланом Рюриковичей или же группой, образованной вследствие их значения в социально-политическом отношении. Такой материал можно, на мой взгляд, найти в ряде дальнейших соответствий между описанием Константина и договором 944 г.

В договоре люди, перечисленные в начале поименно, обозначаются как «послания от Игоря, великого князя рускаго, и от всякоя княжья и от всѣхъ людий Руския земля». В «De Ceremoniis» Константин о них говорит как о «послах и купцах архонтов Росии». Если оставить в стороне малосодержательное упоминание «всех людей Руской земли», то оба обозначения вполне соответствуют друг другу и имеют в виду, что послы и купцы были посланы некими вождями, правителями или, как выражаются современные ученые, «правлящей элитой» Руси. В договоре 944 г. эта «элита» обозначается словами «князь» или «бояре», но за ними, как указывалось выше, надо предполагать одно греческое слово — ἄρχων/ἀρχόντισσα/ἀρχόντες. Константин его и использует. Во главе этой группы людей стоит киевский правитель — Игорь и Ольга в том или другом случае, соответственно. В 944 г. Игорь не присутствовал лично при заключении договора, и его интересы представлял его собственный «сол» (выделенный особо впереди всех «объчих слов»), а Ольга прибыла в Константинополь лично, и от нее представитель не требовался. Очевидно, купцы представляли коммерческие интересы «архонтов» во главе с киевским князем, а послы — политические.

Таким образом, внимательное прочтение обрядника Константина приводит к выводу, что трехчастная формула договора 944 г., указывающая на Игоря, князей/бояр и всех людей как главные элементы общества руси, этикетной является только в одной своей части — третьей, то есть упоминании «всех людей». Неслучайно, видимо, в договоре 911 г. о них не вспомнили. К такому восприятию этой формулы подталкивает и соответствующее трехчастное описание византийского государства — помимо цесарей и «всего боярства», «все люди греческие». Понятно, что «боярство» (то есть высшая чиновная знать) в Византии имело реальные рычаги власти и участвовало в принятии политических решений, а «все люди» присутствовали лишь эфемерно, на словах. Итак, «князь»/«бояре» («архонты») договора 944 г. — это не некая знать, верхушка, элита, дружина и т.д. древнерусского общества, упоминание которой чисто формально и о которой нельзя сказать ничего конкретного, а это именно те лица, которые перечислены в начале документа каждый в паре со своим послом.

Понять, кто были эти лица, помогает другое соответствие императорского обрядника и договора 944 г., а именно — поразительное совпадение численности послов. В списках денежных подарков, которые приводит Константин, указаны в первом случае (прием 9 сентября) 20 послов, во втором (прием 18 октября) — 22. Однако надо учитывать, что Ольга и ее племянник, статус которого был явно выше всех остальных ее родственников и которого вполне можно зачислить в ряд «князей»/«бояр» («архонтов»), не нуждались в представителях, поскольку присутствовали лично. По всей видимости, Святослава представляли его собственные «люди», указанные в первом реестре подарков. Размер денежных подарков этим «людям Святослава» был ниже, чем послам и даже купцам, но надо учесть, что их было несколько человек (возможно, даже десять) и общая сумма, потраченная на них, была явно выше (скорее всего, даже существенно выше) выплаты одному послу. В реестре подарков ко второму приему они не упоминаются, и, возможно, они уже покинули Константинополь. Так или иначе, в случае если бы Ольга и ее племянник не присутствовали бы лично при официальной встрече с византийской стороной, то к 22 послам, которые представляли «архонтов», надо было бы, как подсказывает список договора 944 г., прибавить по одному послу от Ольги и ее племянника. Кроме того, должны были быть представлены интересы Святослава — в договоре от его лица действовал один посол, с посольством Ольги прибыли от него несколько человек, но они рассматривались, очевидно, как одна «структурная единица». Условно примем: от Святослава тоже один представитель. Всего, таким образом, получаем: $22+2+1=25$ человек. В договоре же 944 г. фигурируют посол Игоря и 24 «объчих сла», которые представляют, соответственно, всего 25 «князей»/«бояр» («архонтов»). Цифры совпадают в точности.

Такого рода совпадения не могут быть случайными. Очевидно, за одинаковыми цифрами стоит один порядок представительства интересов «правлящей элиты» государства руси, который нашел соответствующее отражение в договоре 944 г. и в описании приема Ольги в «De Ceremoniis». Эта логика предполагает, что 22 посла, прибывшие с Ольгой в Константинополь, тоже, как и при заключении соглашения в 944 г., представляли каждый одного «архонта». Та последовательность групп лиц в составе посольства Ольги, которая выстраивается в реестре денежных подарков в обряднике, свидетельствует о реальной социально-политической иерархии, в которой послы «архонтов» занимают место, причитающееся самим этим «архонтам» (то есть как бы замещают их по принципу «один в один»). В большем числе купцов в «De Ceremoniis» по сравнению с догово-

ром 944 г. нет ничего удивительного: численность этой группы лиц не зависела прямо от политической организации (в отличие от послов архонтов) и, естественно, могла колебаться, в тот или иной момент быть больше или меньше в зависимости от сезона, интенсивности торговых операций и т. д.

Могли ли эти «архонты» представлять один родственный клан? Анализ императорского обрядника склоняет к отрицательному ответу на этот вопрос. Прежде всего, как выясняется, родственники Ольги составляли отдельную группу в ее посольстве, никак не связанную ни с «архонтами», ни с их послами. Этим родственникам (обозначенных в реестре денежных подарков как «свои» — οἱ ἴδιοι ἀδελφεῖς) было 14 человек на первом приеме, а на втором — 16. Численность вполне достаточная для родственного клана даже по меркам архаического общества, если к тому же учесть, что несовершеннолетние и старики, вероятно, остались на Руси и в это число не попали. Другое дело, что помимо этих «своих» у Ольги были родственники, упоминание которых в обряднике указывает на их особый статус, — это ее сын Святослав и некий не названный по имени племянник. Ничто не мешает этих двух причислить к «архонтам», тем более что и в договоре 944 г. помимо Игоря своих послов представили несколько его ближайших родственников, в том числе тот же Святослав. Не исключено, кстати, что кто-то из двух «нетиев», указанных в договоре 944 г., и был обозначен как ἀνεψιός (племянник) Ольги в «De Ceremoniis».

Против «родовой интерпретации» списка договора 944 г. говорит и само совпадение численности послов и «архонтов» в договоре и обряднике. Трудно представить себе, что между 944 г. и визитом Ольги в Константинополь, когда бы он не состоялся (а особенно если принимать как более вероятную позднейшую дату 957 г.), число родственников киевского правителя оставалось тем же самым — те же 24 человека. Ведь помимо гибели Игоря надо предполагать и другие изменения в их составе, учитывая бурную военную деятельность руси, о которой как раз применительно к 940-м годам мы располагаем известиями (борьба с древлянами, каспийские походы). Можно допустить, что эти архонты-родственники сидели по локальным центрам, и их число определялось именно количеством центров. Но из этого тогда следует, что на самом деле родственный клан составлял значительно больше, чем 24—25 человек, потому что схема должна была бы быть такой: как только кто-то из «архонтов» умирал, на его место главы того или иного центра становился другой из очереди родственников, дожидавшихся своей доли. Такое допущение заставляет увеличивать этот клан до каких-то уж совсем мало-

правдоподобных размеров и сильно усложняет и без того шаткую конструкцию.

Как было уже отмечено выше, одной теории, альтернативной «родовой интерпретации», в науке нет. Разные ученые предлагают разные варианты объяснения того, кем были лица, направившие своих послов для заключения договора 944 г. Однако все они так или иначе сталкиваются с проблемой, которую обозначил еще С.М. Соловьев, — умолчание договора о Свенельде и Асмуде, которых летопись рисует первейшими сподвижниками Игоря и Ольги в 940-е годы. Такое умолчание выглядит особенно странно, если предполагать, что отправители послов (все или частично, не так важно) были «дружинниками» или «служилыми людьми» киевского князя. К этому надо прибавить и тот факт, что имена обоих летописных героев без сомнения скандинавские. Но преимущественно скандинавской является и антропонимика именных списков договора — значит, и с «этнической» точки зрения в этом ряду логично было бы ожидать появление Свенельда и Асмуда или хотя бы одного из них.

На эти проблемы указал А.В. Назаренко. Он справедливо отметил, что в любом случае не может быть принята точка зрения, которая предполагает в отправителях послов княжеских «дружинников», потому что среди них мы видим женщин — Предславу и Сфандру, а также, возможно, указанную в конце Уту⁴³. Женщины не могли быть княжескими агентами, и статус «архонтов»/«архонтисс», то есть независимых политических фигур (правителей), они могли получить только по родовому праву наследства (как Ольга стала княгиней после смерти мужа). Выход из тупика историк нашел в «родовой интерпретации» С.М. Соловьева⁴⁴. Однако, решение проблемы можно искать и на иных путях, и подсказку снова дает описание приема Ольги в «De Ceremoniis».

Выше обращалось внимание на то, что послы «архонтов» руси были, судя по их статусу и по упоминанию их «людей» в реестре денежных подарков, люди сами по себе значительные. Но с политической точки зрения они были все-таки не самостоятельными фигурами, представляя не собственные, а чужие интересы. Каждый из них выступал как бы заместителем или alter ego «архонта» (или «архонтиссы»), пославшего его. Такое положение послов полностью соответствует тому, как в летописи описываются те же Свенельд и Асмуд и прочие соратники и сподвижники князей: они имеют высокий социальный статус, влиятельны, богаты, могут иметь своих собственных слуг (у Свенельда упоминаются свои отроки), но состоят на княжеской службе. Постольку, поскольку эти люди представляют (или должны представлять) княжеские интересы, они счи-

таются «мужами» князя. Именно так, по летописи, представился один из этих летописных героев — некий «Прѣтичь», который выступил во главе «людей оной страны Днѣпра» в защиту Киева, осажденного печенегами, когда Святослав был в болгарском походе. Когда «князь печенѣжский» спросил его: «а ты князь ли еси?», Претич ответил: «азь есмь мужь его и пришель есмь въ сторожѣх, по мнѣ идетъ полкъ со княземъ...». После этого диалога летописец описывает заключение мира между печенежским «князем» и Претичем с рукобיתьем и обменом дарами⁴⁵. Претич выступает в сущности таким же «слом», каких мы видим в списке договора 944 г. Представляя-замещая князя, он выступает от его имени и защищает его интересы. Претич — «муж» Святослава, но вместе с тем он и в известной мере самостоятелен и значителен, ибо возглавляет некую группу местного населения и обладает достаточным статусом и достатком, чтобы заключать договор с вождем печенегов и одаривать его.

Таким образом, если ожидать появления Свенельда и Асмуда в договоре 944 г., то их место было бы среди послов, а не тех лиц, которые этих послов направили от своего имени. То, что оба там на самом деле не появляются, вполне объяснимо. Ведь у киевского князя на службе состояли не один и не два человека, а многие, и наверняка их обязанности были каким-то образом распределены и специализированы. «Иворь соль Игоревъ, великаго князя рускаго», представляя в 944 г. интересы Игоря в Византии. Значит, Свенельд и Асмуд защищали его интересы где-то еще. Так, собственно, и следует из летописи: Свенельд занят борьбой с древлянами, а задачей Асмуда была забота о молодом Святославе (и именно постольку, поскольку он, «кормилец» княжича, был занят попечением о ребенке, он и не мог отправиться в Византию — интересы Святослава там представляет другой «княжий муж», некий Вуефаст). Нет ничего странного, что ни тот, ни другой не упоминаются в договоре 944 г. С этой точки зрения не требует особых разъяснений и упоминание «Свѣнальда» в договоре 971 г. Был ли этот Свѣнальд тождественен Свенельду, состоявшему на службе Игоря, или нет, в любом случае, очевидно, он состоял на службе Святослава и выступал гарантом-поручителем заключенного соглашения со стороны руси (как Феофил, «синкел» при василевсе Иоанне Цимисхии, упомянутый с греческой стороны). В военно-полевых условиях, в каких оказался князь в Доростоле, Свѣнальд был просто его ближайшим доверенным лицом и одним из предводителей войска, поэтому и был упомянут в договоре с греками.

Если отправители послов («архонты»/«князья»/«бояре») не были ни родственниками киевского князя, ни его «мужами»-«дружинниками», могли ли они быть «племенными князьями», под-

чиненными киевскому правителю? Едва ли. Если оставить весьма сомнительные данные *ПВЛ*, то все «племена», которые мы можем подвести «под руку» Игорю и Ольге, — это те, которые упоминает Константин Багрянородный в другом трактате — «De administrando imperio» («Об управлении империей»). В одном месте он говорит как о «пактиотах» руси о «кривитеинах, лендзанинах и прочих славиниях» (то есть кривичах, лендзянах и других славянских народах), в другом он упоминает «славинии вервианов (возможно, древляне), другувитов (дреговичи), кривитов (кривичи), севериев (северяне) и прочих славян, которые являются пактиотами росов», наконец, в третьем пишет как о «подплатѣжных» руси об «ультинах, дервленинах, лендзанинах (уличах, древлянах и лендзянах) и прочих славянах»⁴⁶. Все это — славянские народы-«племена». Однако в списке отправителей послов договора 944 г. преобладают имена скандинавские. Если говорить о «племенных князьях», то упоминание только трех славянских имен в этом списке оказывается в совершенном диссонансе с данными Константина, в которых, между тем, нет никакого повода сомневаться.

Облик этих «архонтов» получается довольно загадочным, и вопрос о том, кто они были такие, встает теперь даже с большей силой, чем ранее. Один из вариантов ответа на этот вопрос был обозначен еще М.С. Грушевским, и путь решения, им намеченный, представляется наиболее корректным. Грушевский, обратив внимание на соответствие численности «князей»/«бояр» договора 944 г. и «архонтов» в описании приема Ольги у Константина, делал вывод, что эти «архонты» представляли собой «провинциальных князей» руси под верховенством киевского князя⁴⁷. Его рассуждения, не вполне последовательные и верные (во многом вследствие его особенного взгляда на происхождение руси), не получили в науке распространения⁴⁸. Между тем, на мой взгляд, это совпадение численности является ключевым, и оно о многом говорит. Раз численность в разные моменты совпадает, значит, она была устойчивой. Объяснить такую устойчивость может наиболее естественным образом мысль, что люди, оказывающиеся в разное время в одинаковом числе, представляли некие территории или центры. Количество административно-территориальных единиц внутри одного политического образования значительно более стабильно и не меняется так быстро и сильно, как количество людей, составляющих те или иные социальные, родственные, профессиональные и прочие группы. Таким образом, *эти 25 «князей»/«бояр» («архонтов») представляются некими относительно самостоятельными правителями неких отдельных территорий, которые были, однако, объединены понятием Русь/Руская земля и верховной властью одного из этих «архонтов» — киевского.*

Такой вывод вступает как будто в противоречие с той картиной киевского «единодержавия», которую рисует летопись. Летописное повествование сфокусировано на истории одной династии Рюриковичей и альтернативу ей не предполагает. О существовании каких-то князей или бояр, которые управляли где-то на территории Руси локальными центрами по родовому наследственному праву, летопись не упоминает. Тем не менее, в литературе уже неоднократно высказывались подозрения, что в этом отношении летописцам XI—XII вв. доверять нельзя — для них никакой другой легитимной власти кроме власти Рюриковичей уже, конечно, не могло быть, но реальная политическая ситуация в более раннее время вполне могла выглядеть более «полицентрично». И в самом деле, намеки на власть, параллельную власти киевских князей, можно разглядеть в случайных летописных замечаниях о каких-то правителях, независимых или полунезависимых от киевской династии (Рогволод в Полоцке, некий Туры, от которого якобы пошло название города Туры и др.). Я не буду обсуждать в данном случае летописные тексты и их соотношение с наблюдениями, полученными в результате анализа не-летописных источников. Оставаясь в рамках подхода, обозначенного в начале настоящей статьи, я оценю эти наблюдения лишь с самой общей точки зрения и проверю, не противоречат ли они тем источникам, на которых и были сделаны — то есть договорам и свидетельствам Константина.

Первый вопрос, который возникает, если признать тезис о 25 «архонтах» и «архонтиссах» Руси: что за территории они представляли? К сожалению, ответ на этот вопрос не может быть точным по той простой причине, что мы весьма приблизительно представляем себе территорию и размеры самой Руси в X в., внутри которой должны были находиться эти «архонты», признававшие верховный авторитет киевского князя.

«Руская земля» и «страна Руская» несколько раз упоминаются в договоре 944 г. и, как минимум, однажды слово «русь» употребляется для обозначения определенной территории («да идути в домы своя в Русь»⁴⁹). «Руская земля» известна и договору 911 г., а «русь» как обозначение территории — тому тексту в статье *ПВЛ* 6415 г., который можно теоретически возводить к «договору 907 г.».

Составитель *ПВЛ* приводит список «русских городов» в статье 6415 (907) г. в составе «договора 907 г.». Олег якобы добился от греков согласия «даяти у[к]лады на русские города: п̄рвое на Киевъ, таже и на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Польгескъ, и на Ростовъ, и на Любечъ и на прочая города, по т̄мь бо городомъ с̄дяху князья подь Ольгом суще»⁵⁰. Но А.А. Шахматов показал, что этот список является чистой реконструкцией летописца⁵¹. О какой-то достоверности мо-

жет идти речь лишь относительно первых трех городов в этом списке — Киеве, Чернигове и Переяславле, которые указаны в договоре 944 г. в статье о выдаче корма послам и купцам руси, останавливающимся в Константинополе: «и тогда возмут м̄сячное свое, п̄рвое от города Киева, паки ис Чернигова, и Переяславля и прочии городы». Но в литературе было указано, что и список трех городов в договоре 944 г. не может восприниматься как аутентичный, так как Переяславль возник только в конце X в. — ни в 944 г., ни тем более в 907 г. этот город просто еще не существовал (об основании Переяславля в конце X в. рассказывает сама *ПВЛ*, а археологи древнейшие слои Переяславля относят ко времени не ранее конца X в.)⁵².

Кроме упоминания городов, в договоре 944 г. единственным намеком о местоположении Руси являются упоминания Днепра и «Корсунской страны», с людьми которой русь, видимо, часто сталкивалась. В договорах 911 и 970 гг. «зацепиться» и вовсе не за что, и для определения того, где находилась «страна Руская» договоров, историкам приходится обращаться к другим источникам. В суждениях, к которым в итоге они приходят, нет единства, но все-таки наиболее убедительной и признанной в науке может на сегодняшний день считаться локализация Руси X в. в среднем Поднепровье. Наиболее подробно и обстоятельно ее обосновал А.Н. Насонов, выделивший в летописании XI—XIII вв. целый ряд указаний на некую территорию в этой области, которая называлась «Русь» и «Русская земля», но отличалась при этом от «Русской земли», обнимавшей всю территорию, подвластную князьям-Рюриковичам⁵³. Образование этой «Русской земли в узком смысле» Насонов возводил к весьма древним временам (вплоть до IX в.), указывая на различие русина и словенина в Древнейшей Русской Правде и на другие данные. На этой территории, границы которой позднее уточнил В.А. Кучкин, располагался целый ряд городов, насчитывающих, по летописным упоминаниям XI—XIII вв. не менее двух десятков⁵⁴. Последнее обстоятельство заставляет вспомнить число «архонтов» по договору 944 г. и описанию приема Ольги Константином, хотя надо признать, что большинство этих городов, известных по летописным упоминаниям, возникло все-таки позднее середины X в.

Большое значение для определения территории, подчиненной киевскому князю и освоенной русью, имеет рассказ Константина Багрянородного о руси в 9-й главе «De administrando imperio». Интерпретация этого текста, явно неоднородного и склеенного из отрывков разного происхождения, связана с целым комплексом разнообразных и весьма непростых вопросов. Не вникая во все детали и элементы этого комплекса, я обращаю внимание только на два аспек-

та, важных для целей данного исследования. Во-первых, из рассказа Константина однозначно и несомненно следует, что он считал столичным центром Руси Киев, но в то же время связывал с русью еще целый ряд пунктов в Поднепровье (в составе «Русской земли в узком смысле слова» — Чернигов, Вышгород, Витичев и Любеч, плюс Смоленск в верхнем Поднепровье) и Новгород на Волхове⁵⁵.

Во-вторых, знаменитое описание «зимнего и сурового образа жизни росов», приведенное в этой главе «De administrando imperio», содержит информацию, которая как будто, на первый взгляд, противоречит тезису об «архонтах» руси как главах локальных центров. Рассказывая о прокормлении «росов» зимой в полюдь, Константин пишет, что все они отправлялись в полюдь именно из Киева и туда же возвращались. Так выглядит этот рассказ: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется “кружением”, а именно — в славинии вервианов, другивитов, кривитов, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моносилы, они оснащают [их] и отправляются в Романию»⁵⁶.

В этом пассаже Константин снова упоминает «архонтов» «росов». Он говорит о них во множественном числе, и это соответствует тому, что мы видели в «De segetoniis» и в договорах 911 и 944 гг. Разумеется, ничто не обязывает воспринимать нас буквально слова императора, что «архонты» выходят из Киева именно «со всеми росами» (μετὰ πάντων τῶν Ῥώσ). Е.А. Мельникова, опираясь на замечания А.Я. Гуревича, совершенно справедливо написала в комментариях к этому месту трактата, что «отождествление названия племенного союза (позднее — народности) с наименованием его правящей верхушки представляет типичное для раннего средневековья явление». Такое отождествление происходит по хорошо известному принципу (и употребительному далеко не только в раннее средневековье) «приравнения части и целого как взаимозаменяемых единиц» — *pars pro toto*⁵⁷. Именно так средневековые книжники, когда в описании сражений, переговоров и т.д. писали о «всей Русской земле», о «всех данах», «всех франках», «всех мужах Чешской земли» и т.д., имели в виду, конечно, не буквально всех представителей того или иного народа, а лишь его «лучшую», наиболее выдающуюся и влиятельную (прежде всего, политически) часть — то есть элиту, верхушку.

Однако возникает вопрос, как же эти «архонты» могли представлять иные пункты и территории «Руской земли», если из сообщения

Константина выходит, что если не «все росы» буквально, то некоторая их «лучшая» часть во главе с «архонтами» имела местом жительства именно и только Киев. На это замечание возразить было бы нечего, если бы можно было признать это заключение из чтения трактата справедливым. Однако если поставить сообщение императора в контекст прочих сведений о полюдь и трезво оценить его, то доверие ему сильно поубавится.

Из рассказа Константина, а еще лучше из других источников известно, что в полюдь ходило сравнительно много людей — целью было именно прокормить целый большой класс людей, а не только узкий элитарный слой. Неужели весь этот класс проживал или базировался только в одной столице? Кроме того, император пишет, что из Киева «росы» отправляются в полюдь к славянским народам, которые, как мы знаем и от самого Константина, и из летописи, проживали на территориях весьма обширных и лежащих довольно далеко от Киева. Здравый смысл и элементарные подсчеты расстояния и времени подсказывают, что одной толпой объехать за одну зиму все эти территории не было никакой возможности. Попытки некоторых историков представить дело как «централизованный» объезд из Киева в силу некоего «монопольного права» киевского князя на полюдь оказались неудачны и неубедительны⁵⁸. Гораздо более вероятной представляется схема, подразумевающая, что объезды по полюдьям совершались не одной, а разными группами по отдельности. Эти «кружения» происходили не из одного центра, а из многих — группы выходили каждая из своего центра и разъезжались каждая в определенный регион, вероятно, ближайший к этому центру⁵⁹. Напрашивается мысль, что во главе этих групп и стояли как раз те самые «архонты», которые все-таки должны были находиться в локальных центрах Руси, а не сидеть все вместе в столице.

Таким образом, подразумеваемый текст Константина порядок, что в полюдь выходили из одного только Киева, представляется ошибочным. Конечно, «все росы» не могли располагаться в одном только Киеве, но не мог там сидеть и весь военно-торговый класс руси, который ходил в полюдь, а затем собирал моносилы в Византию. За теми сведениями и взглядами, которые отразил трактат василевса, стоит, очевидно, определенный «киевцентризм», вследствие которого общая картина «зимнего и сурового образа жизни» руси при всей ее реалистичности и достоверности оказалась несколько искаженной или смещенной. Этот «киевцентризм» 9-й главы «De administrando imperio» справедливо отмечает А.В. Назаренко и заключает, что Константин, выделяя некую «внешнюю Русь», фактически относил к ней все земли и города «росов», кро-

ме самого Киева⁶⁰. Историк склонен видеть в таком взгляде автора трактата отражение некоего реального особого политического и правового статуса Киева. Конечно, этот город выделялся в ряду прочих хотя бы как резиденция «главного» среди всех «архонтов» руси. Но все-таки, учитывая другие данные, приведенные выше, акцент Константина на роли Киева представляется явно преувеличенным. На мой взгляд, этот акцент надо связывать не столько с какими-то реалиями, сколько с тем источником, откуда собственно происходит информация, донесенная до нас Константином. Некоторые черты рассказа о полюдье в 9-й главе (в первую очередь, сама передача древнерусского слова «полюдье») выдают, что источником информации был человек, сам побывавший на Руси и знакомый с древнерусским языком. Обычно предполагают, что это должен был быть какой-то византийский посланец, побывавший на Руси по приглашению и под покровительством киевского князя. Конечно, он был именно в Киеве и имел дело с киевлянами. Вполне естественно было бы, что этот человек, рассказывая затем императору или кому-то из греков, кто записал его рассказ для императора, об «образе жизни» руси, сообщал сведения в определенном преломлении — то есть со специфической *киевской* точки зрения.

Такое понимание текста «De administrando imperio» позволяет удержать предложенный выше тезис, что те люди, которые в сочинениях Константина выступают как «архонты» «росов», а в договорах 911 и 944 гг. как «князья»/«бояре» руси, были в реальности главами отдельных центров «Руской земли». В то же время и сообщение Константина, и позднейшие летописные данные свидетельствуют о том, что на Руси эпохи Игоря и Ольги, «ядро» которой локализуется в среднем Поднепровье, было вполне достаточно локальных центров (городов), где могли бы разместиться и главами которых могли считаться «архонты» договора 944 г. и описания приема Ольги.

Этот последний вывод выглядит вполне правдоподобным и в свете археологических данных. В среднем Поднепровье открыт ряд относительно крупных населенных пунктов, в том числе укрепленных и с явными следами военно-торговой элиты, расцвет которых приходится как раз на X в. Так, например, раскопаны городища по Десне, от Днепра до Чернигова и в районе Чернигова, самое известное из которых — городище у села Шестовицы, где открыты богатые захоронения с многочисленными элементами скандинавского облика. Только в этом районе таких городищ насчитывается не менее 7—8⁶¹.

Богатые захоронения элитарного характера с элементами скандинавской культуры зафиксированы как в среднем Поднепровье, так и вообще в бассейне Днепра и его притоков. Наиболее яркие из

них — это курганы в Чернигове, которые историки давно уже окрестили «княжескими» (Черная Могила, Гульбище и др.). Выдающиеся черты этих погребений подталкивали ученых к предположениям о наличии в Чернигове каких-то особых правителей, княжеской династии и т.п. Разумнее, на мой взгляд, не пускаться здесь в гадания, а вспомнить как раз об этих «архонтах» руси. Раскапываются ли «княжеские» «могилы» в Чернигове или где-то еще, — в данном случае важно, что далеко не только в Киеве. Этот факт говорит против «киевцентричного» понимания структуры государства руси в X в., которое может сложиться, если слишком прямолинейно воспринять данные Константина и договоров.

* * *

Итак, анализ данных договоров руси с греками и сообщений Константина Багрянородного приводит к следующим выводам. По этим источникам правящую верхушку государства руси X в. представляли люди, которых греки называли «архонтами» (ἀρχόντες). В славянском переводе договоров они фигурируют как «князья» или «бо(л)яре», и оба эти обозначения передают одно и то же греческое слово. В 40—50-е годы X в. численность «архонтов» руси составляла 25 человек. Судя по количеству послов, отправленных Олегом и прочими «князьями» руси для заключения мирного соглашения с греками в 911 г., тогда их насчитывалось меньше — только 15. Если, как предлагается в настоящей работе, считать этих «архонтов» главами отдельных (городских) центров «Руской земли» как определенной области в среднем Поднепровье, то увеличение их числа с 911 до 944 г. надо объяснять ростом государства и основанием новых городов. Поскольку и сами «архонты», и их представители, которые направлялись в Византию, носили в основном скандинавские имена, рост государства можно связывать с присутствием древностей скандинавского происхождения, которое археологически засвидетельствовано на этой территории как раз в рамках X в.

Какие именно города представляли «архонты», неясно. Логично предположить, что «архонты» представляли преимущественно города именно «Русской земли» в узком смысле слова, хотя нельзя исключать и представительство отдельными «архонтами» каких-то «экс-клавов». Некоторую пищу для размышлений дают данные о связи членов семьи князя Игоря, которые тоже представили своих послов в 944 г. и тоже имели статус «архонтов», — Ольги и Святослава — с определенными городами. О Святославе Константин сообщает в 9-й главе «De administrando imperio», что тот «сидел» (ἐκάθηζετο) — то есть, видимо, правил — в городе, который он передает по-гречески как

Νεπογάρβας. Трудно понять, к какому именно времени надо относить это «сидение» Святослава, но ученые согласны в том, что имеется в виду Новгород на Волхове. Об Ольге говорит летопись в рассказе о покорении древлян, что треть дани, причитавшейся с них, она направила в Вышгород, «бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ»⁶². Трудно тоже понять, что имел в виду автор этого указания, писавший не ранее начала—середины XI в., но все-таки здесь можно увидеть намек на то, что Ольга имела особую власть над Вышгородом (который не только относится к «Русской земле в узком смысле слова», но и является ближайшим укрепленным пунктом к Киеву). Вероятно, как «архонтисса» договора 944 г., она выступала главой Вышгорода.

Так или иначе, вне зависимости от связи с «архонтов» с локальными центрами Руси, их группа в два с лишним десятка человек не могла быть «дружинниками» киевского князя и не могла составлять один род Рюриковичей, как толкуют историки. «Мужичи» на службе киевского князя и других «архонтов» представлены в договорах, но не в списке тех, кто посылал послов и купцов, а в списке самих послов. Род Рюриковичей состоял, конечно, далеко не только из тех фигур, о которых нам известно из летописи (при Ольге в Константинополе мы видим полтора десятка родственников), но статус полноценных «архонтов» имели, видимо, только избранные его представители. Если предполагать, что в списке отправителей своих послов в договоре 944 г. помимо четырех родственников Игоря остальные люди представляют разные рода (а родственные связи между ними не указываются и не подразумеваются), но что, с другой стороны, каждый из отправителей послов был владельцем главой того или центра или территории, то род киевского князя получает явный перевес — получается, что представители этого рода владеют большим количеством городов/территорий, чем остальные «архонты».

Киевский князь (со своим родом), вероятно, имел и другие привилегии по сравнению с прочими «архонтами» (об этом здесь нет места распространяться), но все-таки они были относительно независимыми политическими вождями руси. Об этом говорит и то, что они так же, как и киевский князь, считают ниже своего достоинства сами ездить в Византию для заключения договоров (и даже с Ольгой никто из них, кроме ее «племянника», не поехал туда) и посылают вместо себя своих «мужей»-послов и купцов.

В литературе уже высказывались мнения, что политическую организацию руси не стоит понимать как строго «монархическую» и централизованную и даже что, может быть, лучше говорить о нескольких государствах руси на территории Восточной Европы в IX—X вв. Не вдаваясь в обсуждение этих мнений, замечу только, что

то политическое образование в среднем Поднепровье, о котором говорят данные договоров руси с греками и сочинений Константина (несравненно более надежные и подробные, чем другие данные, которыми мы располагаем по истории Руси до конца X в.), в самом деле выступает скорее объединением «ярлов» «под рукою» киевского «конунга», как писали М.Д. Присёлков и А.В. Соловьев, или союзом «различных харизматических кланов», как выражался О. Прицак⁶³ (хотя авторы имели в виду далеко не только Поднепровье). Отсылки к Скандинавии здесь, конечно, неслучайны — именно в этом регионе, как известно, едва ли не дольше всего в Европе (вплоть до XI—XII в.) сохранялась множественность политических центров и политических предводителей, относительная децентрализация и могущество родовой и местной знати (хевдингов и «могучих бондов»)⁶⁴.

В то же время, разумеется, нельзя представлять себе Русь середины X в. простым слепком скандинавского общества. Такого не могло быть просто потому, что в это политическое образование вошли массы местного славянского населения со своим социально-политическим укладом. Немаловажный фактор представляло влияние Византии — например, по данным тех же договоров видно, что статус «великого князя» киевского поднимался во многом в результате контактов с греками и воздействия византийских политических воззрений и практики. Эти и другие факторы — внутренний и внешний рост государства руси в течение X в., приведший к включению разных этнических и культурных элементов; широкомасштабные военные мероприятия; спад скандинавской колонизации; определенные экономические процессы и др. — привели к тому, что к началу XI в. социально-политическая структура этого государства изменилась. И одним из важнейших изменений (а может быть, и важнейшим) было исчезновение той группы местных предводителей руси, которых греки называли «архонтами», но которых, к сожалению, мы уже, видимо, никогда не сможем назвать их аутентичным именем (о нем можно только гадать — князья, конунги, бояре, ярлы, хевдинги и т. д.). В летописных текстах XI—XII вв. никаких следов от них уже не обнаруживается, и эти тексты рисуют состав социальной верхушки древнерусского государства иначе.

¹ Присёлков, М.Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Ученые записки / ЛГУ. Сер. ист. наук. — Л., 1941. — Вып. 8. — С. 215, 216.

² Подход имеет сторонников в современной историографии, в том числе и весьма радикальных, которые сознательно почти полностью абстрагируются от летописей в изложении древнейшей истории Руси, см.: Франклин, С., Шепард, Дж. Начало Руси, 750—1200 / пер. Д.М. Буланина, Н.Л. Лужецкой. — СПб., 2009.

- ³ О датировке договоров см.: *Каштанов, С.М.* Из истории русского средневекового источника: акты X—XVI вв. — М., 1996. — С. 54—57.
- ⁴ См., прежде всего: *Малингуди, Я.* Русско-византийские связи с точки зрения дипломатики // *Византийский временник*. — М., 1996. — Т. 56 (81). — С. 68—91; *Ее же.* Русско-византийские договоры X в. в свете дипломатики // Там же. — М., 1997. — Т. 57 (82). — С. 58—87. Работы Я. Малингуди представляют собой важнейший вклад в изучение договоров за последние десятилетия, хотя далеко не все ее идеи находят поддержку.
- ⁵ *Обнорский, С.П.* Язык договоров русских с греками // *Обнорский, С.П.* Избранные работы по русскому языку. — М., 1960. — С. 99—120.
- ⁶ См. в одной из последних работ с указанием литературы: *Свердлов, М.Б.* Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. — СПб., 2003. — С. 147.
- ⁷ *Шахматов, А.А.* Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // *Записки / Неофилологическое общество при имп. Петроградском университете*. — Пг., 1915. — Вып. VIII: Сборник в честь профессора Ф.А. Брауна. — С. 387 и след.
- ⁸ *Малингуди, Я.* Русско-византийские договоры X в. в свете дипломатики. — С. 78 и след.
- ⁹ *Горский, А.А.* Летописный контекст русско-византийских договоров и проблема «договора 907 г.» // *Ad fontem = У источника: сб. ст. в честь С.М. Каштанова*. — М., 2005. — С. 152.
- ¹⁰ Полное собрание русских летописей. — Т. 2. — Стб. 23, 24. В этом месте листы в древнейшем списке Лаврентьевской летописи (далее — *ЛаврЛ*) утеряны, и текст договора 911 г. приводится по *ИпатЛ* с дополнениями и вариантами по *РадзЛ*. Ср. также издание с учетом списков *ПВЛ* по другим летописям, с переводом и комментарием: *Памятники русского права*. — М., 1952. — Вып. 1: Памятники права Киевского государства X—XII вв. / сост. А.А. Зимин.
- ¹¹ Далее текст приводится по *ЛаврЛ* с вариантами и дополнениями по *ИпатЛ* и *РадзЛ*: ПСРЛ. — Л., 1926. — Т. 1. — Стб. 46—48, 53; СПб., 1908. — Т. 2. — Стб. 35—37, 41.
- ¹² Там же. — Т. 1. — Стб. 72, 73; Т. 2. — Стб. 60, 61.
- ¹³ *Королев, А.С.* Святослав. — М., 2011. — С. 247. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1284).
- ¹⁴ *Poppe, A.* Words that serve the Authority: On the Title of “Grand Prince” in Kievan Rus’ // *Acta Poloniae Historica*. — Wrocław etc., 1989. — Vol. 60. — P. 179—184.
- ¹⁵ *Лавровский, Н.[А.]* О византийском элементе в языке договоров русских с греками. — СПб., 1853. — С. 107.
- ¹⁶ Ср., например: *Малингуди, Я.* Русско-византийские связи с точки зрения дипломатики. — С. 87; *Ее же.* Русско-византийские договоры X в. в свете дипломатики. — С. 64; *Назаренко, А.В.* Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X в.: Киев и «внешняя Русь» Константина Багрянородного // *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света: материалы Междунар. конф., состоявшейся 14—18 мая 2007 г. в Гос. Эрмитаже*. — СПб., 2009. — С. 414, 415. — (Труды Государственного Эрмитажа; т. XLIX).
- ¹⁷ См., например: *Свердлов, М.Б.* Домонгольская Русь ... — С. 148 и след.
- ¹⁸ А.В. Соловьев, разбирая договоры, уже отмечал, что в болгарской и сербской Кормчих *ѡрхов* передается равноправно как «бо(л)ярин», «князь» и «властель» (*Soloviev, A.V.* L’organisation de l’Etat russe au Xe siècle // *L’Europe aux IXe—XIe siècles: Aux origines des Etats nationaux / sous la direction de T. Manteuffel, A. Gieysztor*. — Varsovie, 1968. — P. 253). Ср. в «Хронике Георгия Амартола», где *ѡрхов* передается как «болирин», «князь», «властель» и «старейшина» (*Истрин, В.М.*

Книги временных и образных Георгия Амартола. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. — Л., 1930. — Т. III: Греческо-славянский и славянско-греческий словари. — С. 33).

¹⁹ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. — М., 1991. — Гл. 29. — С. 112, 113; ср. комментарий о византийском термине «архонт» на с. 291, 364.

²⁰ Ср. интерпретации в таком ключе: *Свердлов, М.Б.* Домонгольская Русь ... — С. 159, 160.

²¹ Ср.: *Лавровский, Н.[А.]* О византийском элементе ... — С. 64, 97—100.

²² *Соловьев, С.М.* Сочинения. — М., 1988. — Кн. 1: История России с древнейших времен, т. 1—2. — С. 139, 298, 299, примеч. 193.

²³ *Пресняков, А.Е.* Княжое право в Древней Руси: очерки по истории X—XII столетий // *Пресняков, А.Е.* Княжое право в Древней Руси: очерки по истории X—XII столетий; Лекции по русской истории: Киевская Русь / подготовка текста, ст. и примеч. М.Б. Свердлова. — М., 1993. — С. 28.

²⁴ *Греков, Б.Д.* Киевская Русь / отв. ред. Л.В. Черепнин. — [6-е изд.] — М., 1953. — С. 298, 299.

²⁵ *Приселков, М.Д.* Киевское государство. — С. 232—242.

²⁶ См.: *Strumiński, B.* Linguistic Interrelations in Early Rus’: Northmen, Finns, and East Slavs (Ninth to Eleventh Centuries). — Roma 1996. — P. 162 et seq.; *Melnikova, E.* The Lists of Old Norse Personal Names in the Russian-Byzantine Treaties of the Tenth Century // *Studia anthroponymica Scandinavica: Tidskrift för nordisk personnamnsforskning*. — Uppsala, 2004. — Vol. 22. — P. 5—27.

²⁷ *Soloviev, A.V.* L’organisation de l’Etat russe ... — P. 250—255, 266, 267.

²⁸ См., например: *Сахаров, А.Н.* Дипломатия Древней Руси. — М., 1980. — С. 237, 238; *Свердлов, М.Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. — Л., 1983. — С. 32, 33.

²⁹ *Ловмянский, Х.* Русь и норманны / пер. М.Е. Бычковой; общ. ред. В.Т. Пашуто, В.Л. Янина, Е.А. Мельниковой. — М., 1985. — С. 220—224.

³⁰ *Франклин, С., Шепард, Дж.* Начало Руси ... — С. 193, 194; *Котляр, Н.Ф.* Древнерусская государственность. — СПб., 1998. — С. 39, 40; *Schramm, G.* Altrusslands Anfang. Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. — Freiburg im Breisgau, 2002. — S. 415—423; *Свердлов, М.Б.* Домонгольская Русь ... — С. 162, 175. Правда, представления каждого из указанных авторов о том, что именно представляла собой эта знать, очень разные. С. Франклин и Д. Шепард говорят туманно о неких «людях высокопоставленных». Н.Ф. Котляр видит в лицах, пославших своих послов в 944 г. «правителей» или «вождей племенных княжений». Г. Шрамм говорит о некоей высшей прослойке знати Киевского государства — князьях не Рюрикова рода, проживавших в Киеве и признававших верховную власть Игоря. М.Б. Свердлов признает в этих лицах «княжих мужей».

³¹ *Назаренко, А.В.* Территориально-политическая структура Древней Руси. — *Passim*; *Толочко, О.П., Толочко, П.П.* Київська Русь. — Київ, 1998. — С. 69—71; *Горский, А.А.* Русь: от славянского расселения до Московского царства. — М., 2004. — С. 66; *Шинаков, Е.А.* Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. — М., 2009. — С. 186—189.

³² Г.Г. Литаврин опубликовал свой перевод первоначально в статье: *Литаврин, Г.Г.* Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников // *Византийский временник*. — М., 1981. — Т. 42. — С. 42—45. Позднее перевод и статья, построенная на комментариях к нему, были переизданы в составе книги: *Его же.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). — СПб., 2000. — С. 190—204, 360—364. Перевод в 2000 г. Литаврин переиздал без

изменений, а статья была существенно переработана и дополнена, в том числе и ответами на критику Назаренко, высказанную в работе: Назаренко, А.В. Некоторые соображения о договоре Руси с греками 944 г. в связи с политической структурой Древнерусского государства // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. Чтения памяти В.Т. Пашуто, Москва, 17—19 апр. 1996 г.: тез. докл. — М., 1996. — С. 58—63.

³³ Русский перевод: Новиков, Н.Е. Константин Багрянородный. «О церемониях», кн. II, гл. 15 (перевод, комментарий) // ΚΑΝΙΣΚΙΟΝ: юбилейный сборник в честь 60-летия проф. И.С. Чичурова / отв. ред. М.В. Грацианский, П.В. Кузнецов. — М., 2006. — С. 343—346. Английский перевод М. Физерстоуна: Featherstone, J.M. DI' ENDEIXIN: Display in Court Ceremonial (De Cerimoniis II, 15) // The Material and the Ideal: Essays in Mediaeval Art and Archaeology in Honour of J.M. Spieser / ed. A. Cutler, A. Papaconstantinou. — Leiden, 2008. — P. 75—112.

³⁴ Греческий оригинал см.: Constantinus Porphyrogenitus. Constantini Porphyrogeniti De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo / E. rec. J.J. Reiske. — Bonnae, 1829. — Vol. I. — P. 594—598.

³⁵ Обзор дискуссии см.: Tinnefeld, F. Zum Stand der Olga-Diskussion // Zwischen Polis, Provinz und Peripherie. Beiträge zur byzantinischen Geschichte und Kultur / hrsg. von L. Hoffmann. — Wiesbaden, 2005. — S. 531—567.

³⁶ В основных рукописях «De Cerimoniis» число «людей Святослава» пропущено явно из-за механической ошибки, однако, как указывает М. Физерстоун, в палимпсесте Ватопедийской рукописи стоит число 10 (Featherstone, J.M. DI' ENDEIXIN. — P. 110). Литаврин, не зная об этой рукописи, пытался вычислить их количество по косвенным данным и получил число 5 (Литаврин, Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь. — С. 191).

³⁷ Там же. — С. 190.

³⁸ Там же. — С. 168, 191.

³⁹ Там же. — С. 193—201.

⁴⁰ Poppe, A. Christianisierung und Kirchenorganisation der Ostslawen in der Zeit vom 10. bis zum 13. Jahrhundert // Österreichische Osthefte. — Jahrgang 30. — Wien, 1988. — S. 493.

⁴¹ Священника Григория (видимо, духовник княгини) и переводчиков (статус которых в данной ситуации был особенным из-за их профессионального мастерства) я не учитываю.

⁴² В этом некоторые исследователи предполагают политические причины: Литаврин, Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь ... — С. 202 и след.

⁴³ Назаренко, А.В. Некоторые соображения о договоре Руси ... — С. 60.

⁴⁴ Ср.: Его же. Территориально-политическая структура Древней Руси ... — С. 417, 418.

⁴⁵ ПСРЛ. — Т. 1. — Стб. 65—67.

⁴⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей. — С. 45, 51, 157 (главы 9 и 37).

⁴⁷ Грушевський, М.С. Історія України-Руси. — [Репринт 3-го, испр. и доп. изд.: Київ, 1913]. — Київ, 1991. — Т. 1. — С. 424.

⁴⁸ Лишь А.С. Королев высказывает близкие суждения: Королев, А.С. Святослав. — С. 42—44, 177.

⁴⁹ ПСРЛ. — Т. 1. — Стб. 51.

⁵⁰ Там же. — Т. 2. — Стб. 22.

⁵¹ Шахматов, А.А. Несколько замечаний о договорах ... — С. 395, 396.

⁵² Lind, J.H. The Russo-Byzantine Treaties and the Early Urban Structure of Rus' // Slavonic and East European Review. — 1984, July. — Vol. 62, No. 3. — P. 362—370.

⁵³ Насонов, А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: историко-географическое исследование // Насонов, А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: историко-географическое исследование; Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. — СПб., 2002. — С. 27 и след.

⁵⁴ Кучкин, В.А. «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования, 1992—1993 гг. — М., 1995. — С. 95.

⁵⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. — С. 45; ср. комментарий к списку городов: с. 310—314.

⁵⁶ Там же. — С. 50, 51.

⁵⁷ Там же. — С. 307.

⁵⁸ Такие попытки предпринимал Б.А. Рыбаков: Рыбаков, Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. — М., 1982. — С. 316 и след. Ср. критику: Фроянов, И.Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI—X вв.). — СПб., 1996. — С. 460, 461.

⁵⁹ Именно так рассуждал в свое время М.С. Грушевский: Грушевський, М.С. Історія України-Руси. — Т. 1. — С. 425, 426. Именно так представляют дело сегодня М.Б. Свердлов (Свердлов, М.Б. Домонгольская Русь ... — С. 167, 168) и А.А. Горский (Горский, А.А. Древнерусская дружина. — М., 1989. — С. 31).

⁶⁰ Назаренко, А.В. Территориально-политическая структура Древней Руси ... — С. 418—422.

⁶¹ См.: Коваленко, В.П. Дружинные лагеря в процессе становления древнерусской государственности на днепровском левобережье // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти В.Т. Пашуто (Москва, 19—21 апр. 2011 г.): материалы конф. — М., 2011. — С. 114—119. В.П. Коваленко, правда, настаивает, что эти городища представляли собой «дружинные лагеря». Что такое эти «дружинные лагеря», автор не разъясняет, а сами по себе археологические материалы ни в этом, ни в других случаях на самом деле прямых и непосредственных данных для заключений о «дружинах» и «лагерях» не дают.

⁶² ПСРЛ. — Т. 1. — Стб. 60.

⁶³ Прицак, О. Время завоевания Киева русью // Голб, Н., Прицак, О. Хазарско-еврейские документы X века / пер. В.Л. Вихновича, ред., послесл. и коммент. В.Я. Петрухина. — Иерусалим; М., 2003. — С. 92.

⁶⁴ См., например: Гуревич, А.Я. Норвежское общество в раннее Средневековье // Гуревич, А.Я. Избранные труды. Норвежское общество. — М., 2009. — С. 289—322.